

eISSN 2311-2468
Том 2, № 8. 2014
Vol. 2, no. 8. 2014

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

БАЮШКИНА О. В.

**ДИАЛЕКТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ
ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ РЕСПУБЛИКИ
МОРДОВИЯ)**

Аннотация. В статье представлена детальная классификация диалектных фразеологических единиц, характеризующих речевую деятельность.

Ключевые слова: диалектная картина мира, диалектоносите́ль, репрезентация, фразеологическая единица, фразеосемантическое поле.

BAYUSHKINA O. V.

**DIALECTAL PHRASEOLOGICAL UNITS AS DISTINCTIVE FEATURE OF
SPEECH (BASED ON THE DATA FROM THE PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF
RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA REPUBLIC)**

Abstract. The article presents a detailed classification of dialectal phraseological units characterizing speech.

Keywords: dialectal worldview, dialect speaker, representation, phraseological unit, phraseosemantic field.

Речь, являясь одним из основных видов человеческой деятельности, представляет собой культурную ценность, обладающую универсальным характером. Полноценная жизнедеятельность человека невозможна без общения, обмена информацией, эмоциональных переживаний, побуждений или волеизъявлений, которые реализуются благодаря способности к речепроизводству. Речь демонстрирует способность человека к говорению, выражению мыслей вслух, является средством общения между людьми и потому может быть отнесена к абсолютным ценностям всего человечества. Как отмечает С.А. Юрченко, «народная речь как феномен культуры может фиксировать и отражать опосредованным образом систему значимых понятий, этнически обусловленные типы поведения и настроения, не только существующие в конкретном социокультурном сообществе на данный момент, но и сложившиеся исторически, на протяжении многих столетий, обусловленные культурными традициями многих поколений» [3, с. 3]. Такие признаки ценности, как значимость, абстрактный характер, связь с человеческими потребностями остаются для всех научных направлений актуальными и выделяются как наиболее существенные.

Самобытные черты диалектной картины мира ярко обнаруживаются на фразеологическом уровне языка, что и обусловило интерес к фразеологическим единицам (ФЕ) русских говоров Республики Мордовия. Источником фактического материала послужил «Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия» [2].

Фразеосемантическое поле «Речь» в плане структурирования ценностной системы носителей русских говоров на территории Мордовии является довольно показательным.

Анализ языкового материала позволил выделить несколько довольно четко оформленных в тематическом отношении групп.

1. Репрезентация формы речевого выражения диалектоносителя.

Под формой выражения подразумеваются способы вербального оформления мыслей, характеристика которых, как правило, сопровождается их оценкой. Так, ценностно-значимым для диалектной языковой личности является владение или невладение искусством общения. Не находит положительной оценки:

а) нечеткое воспроизведение слов: ♦ *бороновать задом наперед*, ♦ *как борона (борону) боронить* – ‘выговаривать, произносить слова неправильно, искаженно’;

б) быстрый, торопливый темп речи, что мешает правильному восприятию: ♦ *говорить вчастух*, ♦ *содить как из пулемета*;

в) сила голоса, вплоть до крика: ♦ *как баба рязанская (кричать)*, ♦ *жабу (кадык) драть*, ♦ *разевать дыхло*;

г) отсутствие последовательности, логичности в изложении: ♦ *двух сословий связать не мочь*, ♦ *два слова не съягнуть*, ♦ *вертеться словами* – ‘говорить путанно, неясно, затемняя смысл чего-либо’;

д) неумение дозировать информацию, т.е. склонность к пространным разговорам: ♦ *воловодь разводить*, – или предоставление избыточной информации: ♦ *мешок с коробом наговорить, наболтать*, ♦ *мешка два наговорить, наболтать*, ♦ *рассказать целу Библию*.

Отметим, что пустословие получает особо широкий набор номинаций в силу своей антиценностной природы и неприятия жителями сельской местности такого речевого поведения, которое не имеет практической значимости, связано с бездельем, праздностью. В русских говорах Мордовии многочисленны ФЕ со значением ‘заниматься пустыми разговорами’ ♦ *алалу (лалу) разводить*, ♦ *баланду травить*, ♦ *кормить лясами*, ♦ *молоть пустое* (в 1 знач.), ♦ *язык отбивать*, ♦ *язык (языки) точить*, ♦ *язык чесать*.

Однако материал не предоставляет и ФЕ, содержащих положительную оценку молчания: ♦ *слова не добрать (дождаться)*, ♦ *ни песен ни басен*, ♦ *ни бамши не говорёвши*. Как следует из приведенных примеров, возникновение отрицательной окраски

обусловлено отсутствием желания диалектоносителя поддерживать общение, устанавливать контакт: *Ну и жыних у тия, слова ни дабраць* (Лада, Ичалковский район).

е) эмоциональная окраска формы речевого выражения, в частности грубой и злой: ♦ *как пулей стрелять*, ♦ *как с дубу хлытать* – ‘говорить зло, грубо’.

2. Репрезентация речевого поведения диалектоносителя.

В данную группу можно отнести:

а) ФЕ, характеризующие склонность диалектоносителя к пересудам, сплетням, ассоциативно связанную с бездельем, наговорами на другого человека – ♦ *баляски плесть*, ♦ *настрекать в уши*, ♦ *как в колокол ударить*, ♦ *бобы идут*. Близки к ним по значению ФЕ ♦ *наряжать по дворам*, ♦ *бластить во все колокола* – повсюду говорить о чем-либо’.

б) ФЕ, показывающие степень обдуманности высказываемого: ♦ *талалу городить*, ♦ *понести с малавы на булаву*, ♦ *нести неоколёсную (несустепь, дуравчину)* – ‘говорить вздор, чепуху’; ♦ *смолу сказать*, ♦ *ляпнуть как корова на лубок*, ♦ *сверха ляпать* – ‘сказать что-либо необдуманно’.

в) ФЕ, репрезентирующие речевое поведение диалектоносителя по отношению к собеседнику, как правило, конфликтное:

– надоедливое, назойливое поведение: ♦ *весь плеш переест*, ♦ *все уши пробунчать*;

– агрессивные речевые действия, направленные на прерывание речевых действий партнера по общению: ♦ *глотку переждать (неодобр.)*, ♦ *выговорить не давать*, ♦ *заткнуть кадык (кому)*;

– агрессивные речевые действия, демонстрирующие контроль за действиями собеседника: ♦ *дать проборку*, ♦ *дать баню*, ♦ *за пояс заткнуть* – ‘сделать выговор’.

г) ФЕ, репрезентирующие конфликтное речевое взаимодействие диалектоносителей, в частности брань и ругань: ♦ *доходить до белых волос*, ♦ *сыр-бор вести*, ♦ *въемки ругаться* – ‘браниться, ругаться между собой’.

3. Реализация речевого воздействия диалектоносителем.

В качестве формул речевого воздействия рассматриваются ФЕ, которые с точки зрения коммуникации уже в том виде, в котором они зафиксированы в словаре, предполагают наличие определенной цели, адресата и обстоятельств произнесения. Выделяются ФЕ, репрезентирующие речевое воздействие на собеседника посредством, например:

– проклятий, тематическая группа которых представлена наиболее широко. Внутри группы можно выявить нечаянные проклятия, связанные прежде всего с выражением негативных эмоций: досады, недовольства, сильного раздражения. Например, *Дери тебя (его, их и т.д.) горой! Сгори гаром! Налётный бы тебя (вас, их и т.д.) взял (не видал)! На*

самом деле адресант не намерен изменить реальность так, как озвучил в проклятии. Однако выражение эмоций здесь адресовано и предполагает открытое выражение часто негативного отношения к собеседнику.

Собственно же выражение эмоций, также представленное в словаре, не всегда предполагает адресацию, например: *Ёк комарёк!* (удивление, недоумение), *На те поди!* (огорчение, удивление и д), *Зла не хватает!* и т. п. Такие ФЕ служат для передачи эмоционального состояния говорящего, что, конечно, косвенно может оказывать речевое воздействие.

Диалектные ФЕ содержат и умышленные проклятия, пожелания недоброго: *Провалиться в преисподнюю (триисподнюю)! Смоляной тебе! Чтоб и на том свете не попутилось!* Истинным намерением говорящего является изменить поведение адресата, хотя, можно предположить, не настолько кардинально, как это может быть выражено ФЕ. Например, *Умереть бы тебе на Фоминой неделе* не означает буквальное пожелание смерти собеседнику.

Кроме проклятий, выявлены ФЕ со значениями:

- вынужденного согласия: ♦ *враг с ним (с тобой)*, ♦ *лихоманка с ней!*; ♦ *скорони бог*;
- категорического отказа: ♦ *накося выкуси*, ♦ *камень тебе горячий!*;
- запрета: ♦ *хватит байки сказывать*; ♦ *хватит баклуши сбивать*;
- приглашения: ♦ *гуляй(те) к нам*, ♦ *подите к нашему*;
- пожелания: ♦ *Бог помочь*;
- предостережения: ♦ *мотри (те) у меня*;
- клятвы: ♦ *церкви (церкву) не видать!*, ♦ *убей малосольным огурцом*, ♦ *глазыньки лопни!*

Таким образом, диалектные ФЕ, формирующие фразеосемантическое поле «Речь», обладают эмоциональностью, высокой оценочностью, нередко непредсказуемостью образа. Степень воздействия диалектных фразеологизмов, по мнению Е. В. Брысиной, значительно выше по отношению к носителям литературного языка, так как в среде диалектоносителей утрачивается признак новизны и яркости образа [1]. Поэтому представляется целесообразным дальнейшее всесторонне и разноуровневое исследование способов репрезентации речи и, в частности, речевого воздействия в системе русского диалектного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брысина Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2003. – 38 с.

2. Семенова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 332 с.

3. Юрченко С. А. Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 15 с.

СИВЦОВА Н.В., ПРОКИНА К.А.

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ НАУЧНОГО
ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЛЕКЦИЙ М.М. БАХТИНА)**

Аннотация. Статья посвящена изучению смысловой структуры научного текста. Теоретические положения подкрепляются конкретным анализом научных речевых произведений М. М. Бахтина.

Ключевые слова: научный текст, знание, онтологическое знание, аксиологическое знание, методологическое знание, лекция.

SIVTSOVA N.V., PROKINA K.A.

**ON SOME FEATURES OF SEMANTIC STRUCTURE OF SCIENTIFIC TEXT:
A STUDY OF LECTURES BY MIKHAIL BAKHTIN**

Abstract. The article deals with the semantic structure of scientific text. In this connection, the author analyzes the scientific texts of Mikhail Bakhtin.

Keywords: scientific text, knowledge, ontological knowledge, axiological knowledge, methodological knowledge, lecture.

Обращаясь к анализу научного текста, мы всегда получаем некое выражение знания – фрагментарный, объемный, многомерный и композиционно целостный конструкт – с присущей ему онтологичностью, аксиологичностью и методологичностью. Лингвистическому выражению онтологического, аксиологического, методологического знания в смысловой структуре научного текста посвящены работы ученых Пермской научной школы функциональной стилистики: М.Н. Кожина [4], М.П. Котюрова [5], Е.А. Баженова [1], Л.М. Лапп [6], Н.В. Данилевская [3] и др.

На примере анализа научных речевых произведений М. М. Бахтина мы попытаемся показать, как формируется, организуется, развивается содержание текста и с помощью каких средств происходит репрезентация разноаспектного знания. Материалом исследования послужат лекции по истории зарубежной литературы в записи его ученицы В.А. Мирской [2]. Конспекты лекций разбиты на 15 тем. В данной статье будет представлен анализ лекции на тему «Французский героический эпос».

Модель онтологического аспекта знания эксплицирована в анализируемом тексте посредством:

1) исходных понятий – «эпос», «родоплеменной строй», «род», «личность», «скандинавский эпос», «феодализм», «античность», «средневековье»;

2) основных – «французский эпос», «большие поэмы – *песни о деяниях*», «французские жонглёры», «Каролингский цикл», «цикл *добрых феодалов*», «цикл *злых феодалов*», «Песнь о Роланде», «Паломничество Карла Великого»;

3) уточняющих – «русские скоморохи», «профессиональные певцы», «театр», «бродячие актеры», «йокуляторы», «клирики», «пэры», «золотой век феодализма», «культ сильной личности», «рубеж личного и безличного творчества», «батальная картина», «оксфордский список», «союз креста и меча», «обряд перчатки», «панегирик».

Между этими понятиями (исходными, основными и уточняющими) устанавливаются логико-семантические отношения:

1) отношения аналогии: *«Если искать сходства между французским эпосом и «Словом о полку Игореве», то гораздо большую аналогию мы найдем во втором и третьем циклах...», «Жонглёры – нечто вроде наших скоморохов», «Этот мотив существовал и в древности: у римлян последнее дело – закрыть свое лицо... Цезарь закрыл лицо плащом. У императоров другой обычай: римский император умирал стоя. У нас надо было умереть со свечой в руке», «Поражение – наиболее благоприятный материал для показа силы подлинных чувств человека. То же – и до наших дней. (“Разгром” Фадеева)», «В общем, он <т.е. Карл> выиграл свой спор с женой, но в хорошем настроении он примирился с нею. Традиционное сочетание иронии и героизма (Дюма “Три мушкетера”, Рабле “Гаргантюа и Пантагрюэль”))»;*

2) отношения условной классификации предмета: *«По-французски они называются “chansons de geste” (“песни о деяниях”)), «Он – первый среди равных „primus inter pares“. Пэр – от < pares>», «<Жонглёры> - профессиональные певцы, иногда люди, просто развлекающие окружающих не только песнями, но и обезьянками», «Это античные йокуляторы – бродячие актеры», «Роланд – один из лучших, иногда – самый лучший вассал Карла Великого», «Творец – народ, все же остальные ничего не создают», «Кантилена – первоначальное ядро эпоса – короткая песенка, слагавшаяся в дружине задолго до Карла Великого, очевидно, во время Карла Мартелла», «Он<т.е. Г. Пари> считал, что старофранцузский эпос – подлинная поэтическая история», «Бедье – крупнейший медиевист XX в. во Франции», «Народ – всегда слушатель, он никогда не творец», «XX век в буржуазной науке – век кропотливого фактографического анализа...», «Бедье указывает, что паломники – носители одного устного аморфного предания», «Гердер (представитель группы “Буря и натиск”)...», «В эту эпоху личность и род неразделимы. Кухулин прославляет свой род и себя. Личность и род – в нерасторжимом единстве»;*

3) отношения противопоставления: *«Но у нас их <т.е. скоморохов> преследовали, а там атмосфера была иная: феодальный верхи относились <к жонглёрам> благосклонно...»,*

«Выдающихся проповедников было очень немного, а жонглеров, сумевших сделать это, было гораздо больше», «В более поздних эпических произведениях – ассонансы, <в> поздних - рифмы», «"Песнь о Роланде" имеет ядро, <эта> поэма - нет», «Французский, героический дошел до нас в несколько иной форме<, чем скандинавский>. Если тот <т.е. скандинавский> – в форме небольших былин, то французский эпос – большие поэмы, некоторые больше "Илиады" и "Одиссеи"», «Исторический Карл не ездил в Иерусалим...», «А в "Песни о Роланде" Роланд очень скромн»;

4) отношения деления (целое – часть, род – вид): *«Жонглёры разнородны. Одни – жалкие фокусники и акробаты, малограмотные или совсем неграмотные. Жонглеры рангом выше в большинстве своем владели письменностью...И третья категория жонглеров – образованные люди», «<Chansons de geste> делятся на три цикла...», «Существуют три гипотезы: 1) ..., 2) ...3)....»;*

5) отношения причины: *«Этот мотив существовал и в древности: у римлян последнее дело – закрыть свое лицо, т.к. агонии никто не должен видеть», «В конце поэмы мы узнаем, что у Роланда есть невеста – Альда, которая, узнав о его смерти, упала и умерла. Но вот Роланд в последний момент даже не вспомнил о ней. Там бы это было неуместно, это разрушило бы целостность образа», «Хотя пэры предлагали возвращаться на родину, т.к. героев не воскресить...», «Поскольку они возникли по горячим следам событий, они были историчны», «Но к ним <т.е. ученым> надо относиться критически: там, где они пытаются дать какие-либо обобщения»;*

6) отношения количества и качества: *«Особенно много кантилен сложено в эпоху Карла Великого», «Французский эпос – новый мир, новая идеология», «Все получает новое, иное переосмысление», «Поэмы XIII-XIV вв. (к ним относятся самые большие поэмы) не так интересны», «Старофранцузский эпос из всех эпосов средневековых народов изучен научно наилучшим образом»;*

7) отношения следствия: *«Автор потом признал <это>, что вело к признанию большого художественного творчества жонглеров».*

Аксиологический уровень деятельности автора научного текста представлен следующими типами оценок:

1) оценка новизны/типичности знания: *«Упоминания о государстве, о королях и т.д. – новый слой, который несколько переосмыслил их, приспособил к новому сознанию», «Французский эпос – новый мир, новая идеология», «Все получает новое, иное осмысление», «Но обычно все народы, все культуры требовали...», «Необычайная сжатость», «Типичные...черты», «Традиционное сочетание...», «Создал новую теорию...», «Но материал очень древний»;*

2) оценка актуальности/неактуальности знания: «Поэмы...*не так интересны*», «...проблема возникновения эпоса...получила *самое интересное* рассмотрение»;

3) оценка степени оформленности знания: «Старофранцузский эпос *изучен наилучшим образом*», «Время создания *точно не установлено...*», «Было множество теорий, но таких *капитальных* не было», «Во Франции этот вопрос *очень глубоко изучен*»;

4) оценка ясности/неясности знания: «<Очевидна> литературная образованность автора», «Это *не вполне ясное место...*», «...но *явно переработанные черты...*», «Очень сложен вопрос их перехода...», «...короткая песенка, слагавшаяся в дружине задолго до Карла Великого, *очевидно*, во время Карла Мартелла», « ... имеет, *конечно*, огромную ценность», «Здесь он, *возможно*, прав»;

5) оценка степени распространённости знания: «В мировой литературе батальные сцены стали *очень распространёнными*», «Знаменитое изображение», «Но это *не обязательно...*», «Это было *почти общепризнанным* истолкованием...», «...факт *огромного* распространения...»;

6) оценка уместности/неуместности знания: «Проблема решена *идеально*», «это *менее подходящий* материал»;

7) оценка одобрения/ неодобрения автором знания: «Эта часть *портит* поэму...», «Одно из самых *древних и замечательных* произведений», «Это *кабинетный* ученый», «*крупнейший, буржуазный* ученый», «Нельзя противопоставлять народ и выходцев из народа, как это делает Бедье», «Утверждение Бедье *наивно*», «Теория Бедье *максимально несправедлива*», «Здесь он, *возможно*, прав на все 80-90 %», «Ж. Бедье *низко оценивал* историческое содержание...» и др.;

8) оценка значимости знания: «Он *очень много* сделал в области <изучения>...», «Школа французских фольклористов считается *образцовой...*», «Бедье – *крупнейший* медиевист...», «Создал новую теорию..., но и *реакционную...*», «тот фактический материал ... *огромен, имеет исключительное значение*», «*Крупнейший, добросовестнейший фактографический* работник», «...имеет, *конечно, огромную ценность*», «...*второстепенный источник...*», «Паломничество занимало *очень большое место*»;

9) оценка достоверности/недостоверности информации: «Создал новую теорию, *но только неверную...*», «Бедье *совершенно справедливо* говорит...», «Теория *неверна*», «Утверждение Бедье о народе тоже *наивно...*», «...*максимально несправедлива...*», «Но к ним <т.е. ученым> надо относиться *критически...*»;

10) оценка разработанности/неразработанности знания: «Эти пути *очень тщательно изучались...*».

По нашим наблюдениям, довольно часто оценка заключена в переносном значении слова, например: *исключительная крепкость, исключительная сила, дурные намерения, знаменательный спор, роскошный ужин, классическое завершение, мелодичная кантилена, механическое слияние, кабинетный ученый, широкая концепция, великий паломнический путь, рассеянные на пути реликвии; <Теория> зародилась, они <т.е. песни> отшлифовывались, “поэтическая история”, теория построена на песке, теория подавила своей новизной; «Бедье изучает эти пути – основные артерии движения»; они отшлифовывались, “как камешки морского побережья”; наука требует.*

Путь получения знания (методологический аспект знания) можно представить в следующем виде: В эпосе, о котором мы говорили раньше.../ Французский эпос – новый мир, новая идеология .../ Французский героический эпос дошел до нас в несколько иной форме, чем скандинавский.../ Скандинавский эпос – в форме небольших былин, французский – в форме больших поэм / Кто были создатели этих поэм?/ Французские жонглеры разнородны / «<Chansons de geste> делятся на три цикла: 1. Каролинский цикл. 2. Цикл «добрых феодалов». 3. Цикл «злых феодалов» / В первом цикле... / Одно из важных произведений первого цикла – «Песнь о Роланде» / Во 2-м цикле – победа феодалов – борцов за единство. В центр его – Гильом д'Оранж .../ В третьем цикле.../ «Песнь о Роланде»: время создания, авторство / <Существуют> три гипотезы по поводу авторства: ... / Вопрос об исторической основе «Песни о Роланде» / Содержание произведения: 1-я часть .../ 2-я часть.../ Песни о поражениях / «Паломничество Карла Великого» – поэма совершенно по-другому трактует образы героев «Песни о Роланде».

Отметим, что формирование, развитие, уточнение понятий, как правило, происходит посредством их определения, обобщения, конкретизации, выделения главного, противопоставления мнений, выражения точек зрения, иллюстраций, цитат, историко-культурных комментариев, вопросно-ответной формы, этимологической справки.

Таким образом, проведенный нами эпистемический анализ лекций М. М. Бахтина показывает, что каждый компонент знания вводится в научный текст особыми способами и специальными средствами языка, которые служат сигналами структурно-смыслового развертывания произведения. При внешнем сходстве данные способы и средства, тем не менее, носят отличительный характер, обусловленный коммуникативной установкой автора, языковой личностью научного творца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е.А. Специфика смысловой структуры научного текста и его композиция // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. / Под

- ред. М.Н. Кожиной: В 3 т. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – 1996. – Ч.1. – С. 158-202.
2. Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность. Средние века: (В записи В. А. Мирской) / Публ., подг. текста, предисл. и коммент. И. В. Ключевой, Л. М. Лисуновой. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. – 212 с.
3. Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. / Под ред. М.Н. Кожиной: В 3 т. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – 1996. – Ч.1. – С. 263-311.
4. Кожина М.Н. ФССК гипотетичности в целом научном тексте (произведении) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. / Под ред. М.Н. Кожиной: В 3 т. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – 1998. – Ч.2. – С. 257-275.
5. Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 170 с.
6. Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1993. – 215 с.

СТАРЦЕВ Д. И.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР: ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы студенческого фольклора. Проанализированы особенности устного творчества студентов. Выявлена и обоснована необходимость классификации фольклорных текстов, созданных студенческой аудиторией. Автор предлагается выделить ряд разновидностей подобных текстов и приводит примерную классификацию, используя фактический материал.

Ключевые слова: фольклор, студенческий фольклор, анекдоты, байки, загадки.

STARTSEV D. I.

STUDENT FOLKLORE: CLASSIFICATION ASPECT

Abstract. The article considers some issues of student folklore. The author analyzes the peculiarities of oral folk art of Russian students. The study has proved the necessity to classify the folklore texts created by the student audience. In this connection, the author distinguishes between a number of varieties of such texts. Consequently, the study presents a classification of student folklore based on the data regarded.

Keywords: folklore, student folklore, jokes, yarns, riddles.

Одним из уникальных явлений фольклора, продолжающим активное развитие в современности, выступает фольклор студентов. Своими корнями он уходит в начало студенческой истории. К примеру, исследователи творчества А. С. Пушкина указывают на существование в Царскосельском лицее традиции продолжить начатый рассказ, а также создания лицейских куплетов [5, с. 56].

Появление в России студентов неизбежно привело к образованию массы устных и письменных фольклорных произведений. Средствами распространения, помимо устной формы, нередко служили и служат парты, доски, стены университетских зданий. Общая тема, объединяющая эти произведения, – студенческая жизнь со всеми ее особенностями, привлекательными и малопривлекательными сторонами. Как указывает исследователь И. Н. Райкова, не все традиционное творчество, бытующее в среде студентов, следует отнести к фольклору: «Студенческий фольклор – устойчивые устные и письменные тексты, которые создаются именно студентами и бытуют в их среде, передаваясь от одного поколения студентов к другому» [4, с. 27].

Коллективное творчество студентов насыщено юмористическим пафосом, иногда переходящим в иронический, особенно в тех случаях, когда речь идет о «мучителях» студентов – преподавателях.

Есть предположение, что первые фиксации и даже публикации студенческого фольклора в России относятся ко второй половине XIX века[1].

Фольклор студентов широко не рассматривался и не выделялся учеными в отдельный вид вплоть до конца XX века. Важной вехой на пути изучения данного феномена стали работы М. М. Красикова и И. Н. Райковой [3; 4]. Исследователи студенческого творчества описали отдельные виды студенческого фольклора, основные мотивы устного студенческого творчества и средства его распространения. Однако полной классификации студенческого фольклора до сих пор не представлено, открытыми остаются также вопросы поэтики таких произведений, а также проблема отнесения их к фольклорному творчеству в целом.

В данной работе предпринята попытка классифицировать коллективные произведения, возникшие в студенческой среде, на отдельные разновидности с описанием их характерных признаков (особенностей). Собранный среди студентов фольклорный материал мы классифицировали следующим образом:

I. Обрядовый фольклор

Особенно почитаемым среди студентов является студенческий «бог» Халява, с которым связан обряд, совершаемый в период сессии. Халява – антропоморфное существо, способное, по представлениям учащейся братии, помогать на зачетах и экзаменах. С кличем о помощи к нему обращаются в ночь перед испытанием. Для этого следует открыть зачетку на той странице, где завтра будет выставляться отчетность, и, высунувшись с документом в открытую форточку, громко прокричать: «Халява, приходи!» («Халява, явись!», «Халява, ловись!»). И тогда успех гарантирован.

Студенческие поверья запрещают до полной сдачи сессии показывать зачетку матери. Считается, что материнский глаз может повредить успешному прохождению испытаний.

Не разрешается также перед экзаменом стричь и мыть волосы, дабы не уничтожить имеющиеся знания. А для их накопления накануне сдачи отчетности рекомендуется положить под подушку учебники и конспекты лекций по изучаемой дисциплине.

К обрядовым действиям относится и ритуальное подкладывание монетки в левый ботинок утором в день экзамена. К тому же, проснувшись, вставать следует с левой ноги, с нее же заходить в аудиторию.

II. Необрядовый фольклор

1. Шуточные стишки (куплеты) – небольшие рифмованные куплеты, исполняемые в ушаченном темпе на манер частушек и имеющие частушечную структуру. Они преследуют цель рассмешить собеседника посредством описания каких-либо

комических несообразностей студенческой жизни. «Вопиющей несправедливостью» является для студентов, любящих поспать и не высыпавшихся по причине бессонных ночей, ранний подъем, вызывающий негативное отношение к alma mater в целом:

Встану рано утром,
Выпью чашку ртути
И пойду подохну
В этом институте.

Добрая насмешка может звучать и в адрес преподавателя, попавшего под обаяние студентки-соблазнительницы:

У доцента на матфаке
Запотели вдруг очки:
В мини-юбочке студентка
Выступала у доски.

Актуальной для шуточных стишков является тема общежитского бытия, наполненного «непреодолимыми» трудностями, одна из которых – вечный студенческий голод и пути борьбы с ним:

Мы в общежитии суп варили.
Есть хотелось до тоски!
Для навару отварили
Наши туфли и носки.

2. Песни-переделки – песни, в которых на мелодию шлягеров, а также известных народных песен, сочиняются тексты, актуальные для определенного факультета или специальности. Для подобных переделок характерны вариативность, общие места, устойчивые формулы. В большинстве случаев обыгрывается лейтмотив фольклора студентов – смерть студента от перенапряжения. Математический и почвоведческий вариант одной и той же песни со схожей концовкой приводит И. Н. Райкова:

а) Раскинулось поле по модулю пять,
Вдали интегралы вставляли.
Студент не сумел производную взять,
Ему в деканате сказали...

б) Мы входим в теплицу под номером пять,
Кругом помидоры мелькают.
Студент, выгнув спину, копает опять.
Его в деканат вызывают.
Концовка: Декан свое веское слово сказал:

«Материя не исчезает.

Загнется студент – на могиле его

Такой же лопух вырастает».

Или, к примеру, переделка песни К. Ваншенкина и Э. Колмановского «Я люблю тебя жизнь»:

Я, ребята, студент,

Что само по себе и не ново.

В настоящий момент

Это чуть ли не бранное слово.

Век живи – век учись,

Попивая чаек с маргарином.

Так проходит вся жизнь,

А помрешь ты дубина дубиной.

3. Стихотворные переделки – переработанные стихотворения известных авторов, почти всегда юмористические. В отличие от песен часто принимают пародийный характер, поскольку в песнях, подвергаемых переделке, интерес вызывает и мелодия, которая вызвана привлекать внимание. Наиболее распространенные мотивы – неудачи в учебе; курьезные ситуации, связанные с алкоголем; недовольство преподавателями и деканом и т.д.:

Даже если спирт замерзнет,

Все равно его не брошу.

Буду грызть его зубами,

Потому что он хороший!

Или: Чем меньше девушек мы любим, тем больше времени на сон!

4. Студенческая эпиграфика (надписи на стенах и партах) – краткие (одна-две строки), часто рифмованные пословичные высказывания, имеющие в основе юмористическое содержание и рассказывающие о «суровых» реалиях студенческой жизни. Они могут прогнозировать студенту исход его неординарных поступков («Если хочешь стать солдатом, обругай декана матом»), наставляют на путь истинный («От знаний еще никто не умирал, но рисковать не стоит»), обогащают знанием специфики студенческого бытия («На первом курсе учиться трудно только первые несколько лет, потом будет легче»).

5. Анекдот как универсальный комический жанр, способный вместить любую актуальную тематику, отражает и события студенческой жизни. Предметом изображения

в студенческих анекдотах являются комичные ситуации, нередко имеющие под собой реальную основу: случай на лекции или экзамене, в студенческом общежитии:

Студентку спрашивают на экзамене:

– Вы знаете убийцу Лермонтова?

– Конечно, но ведь он не убийца, а великий поэт!

6. Байка – устный рассказ-воспоминание, отличающийся от анекдотов установкой на достоверность и связанный в основном с профессиональной направленностью студента, родом его занятий. Пример:

В большой аудитории идет письменный экзамен. Один юноша, сидящий на галерке (аудитория построена амфитеатром), постоянно поглядывает на какой-то листок. Профессор замечает и просит отдать «шпору». Студент краснеет, извиняется, но с места не двигается. После третьего замечания профессор не выдерживает и поднимается к студенту сам. Листок оказывается фотографией красивой девушки с памятной надписью: «Когда тебе будет трудно, посмотри на меня». Профессор был тронут. Когда он, очень смущенный, спускался вниз, студент вытащил настоящую «шпору» и потом уже спокойно списывал.

7. Загадка – стилизованная под студенческий лад история, которая содержит вопрос и ответ, тем или иным образом зашифрованный. В отличие от обычной загадки, студенческая чаще встречается в большем объеме и с частой иронией. Пример:

В комнате одной сидят

Человек под пятьдесят.

Приглядишься, у всех дела:

Двое режутся «в козла»,

Трое чертят чертежи,

Пять смеются от души.

Шесть сошлись в «морских боях»,

Семь рисуют на столах,

Восемь булочки едят,

Ну а девять просто спят.

А один (какой-то странный!)

Целый час уже стоит

И о чем-то в полный голос

Сам с собою говорит.

(Лекция)

Данная классификация, безусловно, не является полной. Мы акцентировали внимание на самых распространенных, на наш взгляд, разновидностях студенческого фольклора, являющегося важной частью современной молодежной субкультуры. Дальнейшее изучение данного феномена позволит выяснить пути трансформации фольклорной традиции в студенческой среде, способы ее передачи и перспективы развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башарин А. С. Песенный фольклор археологических экспедиций. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/basharin7.htm>
2. Красиков М. М. Интернет как парта (студенческая эпиграфика в сети) // Интернет и фольклор : сборник статей. – М. : ГРЦРФ, 2009. – С. 170 -179.
3. Красиков М. М. «Шара, приди!» (Современная студенческая магия как феномен игровой культуры) // Славянская традиционная культура и современный мир: сборник науч. статей. – М. : ГРЦРФ, 2009. – Вып. 2: Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. – С. 164–199.
4. Райкова И. Н. Традиции и фольклор московских студентов // Молодежные субкультуры Москвы. – М. : ИЭА РАН, 2009. – С. 26–48.
5. Синдаловский Н. А. Пушкинский круг Легенды и мифы. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2008. – 348 с.

ШИГУРОВ В. В., МАЛЫШЕВА Т. В.

СТУПЕНЧАТЫЙ ХАРАКТЕР ТРАНСПОЗИЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СТАТАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ¹

Аннотация. Представлена модель описания ступеней транспозиции субстантивной словоформы в семантико-синтаксический разряд предикативов с использованием методики оппозиционного анализа.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, часть речи, существительное, предикатив, транспозиция, шкала переходности, ступень.

SHIGUROV V. V., MALYSHEVA T. V.

STAGES OF NOUN TRANSPOSITION INTO STATIVE-EVALUTIVE PREDICATE NOUN

Abstract. The article presents a model to describe the stages of substantive word forms' transposition into the semantic-syntactic category of predicatives. The authors use the opposition analysis technique.

Keywords: Russian language, grammar, part of speech, noun, predicate noun, transposition, transitivity scale, stage.

Предикативация представляет собой процесс и результат безлично-предикативной транспозиции языковых единиц из разных частей речи в предикативы со значением состояния и / или оценки действия. Весьма взвешенной представляется позиция последних академических грамматик русского языка, где слова категории состояния (и модально-вводные слова) интерпретируются с использованием понятий синтаксической деривации, синтаксически обособившихся значений наречий, прилагательных и существительных (см. [7, с. 465, 705 и др.]). Авторы «Краткой русской грамматики» применяют термин предикативы, понимая под ним особый семантико-синтаксический разряд слов и словоформ, имеющий межкатегориальный (межчастеречный) статус (см. [6, с. 22–23]). Ю. Д. Апресян подчеркивает, что «категория состояния – не часть речи, а синтаксический признак ряда прилагательных, наречий и существительных» [1, с. 530]. Это может быть подтверждено, согласно автору, возможностью сочетания образований типа *время, лень, охота* с адъективными словами в функции определения. Напр.: *Самое время подумать об отпуске;*

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта *Межчастеречное взаимодействие при безлично-предикативной транспозиции языковых единиц в количественном измерении*, выполняемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-04-00175а).

А полоть грядки – такая лень; Какая охота идти замуж за человека, которому самому есть нечего. Примечательны и контексты с экзистенциальным глаголом-сказуемым *быть* в форме женского рода, координирующимся с подлежащими вроде *лень, охота*. Напр.: *Лень была полоть грядки.*

Подобного рода факты говорят о том, что в разных условиях речи степень десубстантивации исходных словоформ и их приближения к межчастеречному семантико-синтаксическому разряду предикативов неодинакова, что обусловлено ступенчатым характером рассматриваемого типа транспозиции. На отрицании частеречного статуса предикативов построена и концепция В. Б. Евтюхина, считающего, что, безлично-предикативные слова могут претендовать скорее на статус «словесно-грамматического (синтаксического. – выделено нами. – В.Ш.) разряда, нежели на статус особой части речи» [5, с. 37; см. также: 2, с. 174–180].

В результате функциональной предикативации существительных, имеющей ступенчатый характер и предел, возникают, с одной стороны, отсубстантивные предикативы (как конечный пункт безлично-предикативной транспозиции языковых единиц), а с другой – синкретичные (периферийные и гибридные) структуры, представляющие в типовых контекстах разные этапы этого пути, эксплицируемые в виде соответствующих звеньев (ступеней) на шкале переходности (см. также [3; 4; 8–10]).

Иллюстрацией грамматического типа транспозиции существительных в предикативы может служить предикативация словоформы *грех*, ступенчатый характер которой отражают основные этапы (звенья) на шкале переходности. Исходным пунктом в движении рассматриваемой языковой единицы (*срам*) по направлению к предикативам является ступень **С(ущ) п(ред)** на шкале переходности, представляющая периферию класса существительных: она заполнена словами с отвлеченной семантикой. Периферийной словоформе *грех* присущи, например, такие дифференциальные признаки исходной части речи, как: а) категориальное значение предмета; б) грамматические категории рода, числа и падежа; в) парадигма категории падежа. Вместе с тем лексическая семантика данного слова «накладывает запрет» на изменяемость по категории числа (ср. невозможное: *срамы).

В предложении субстантивной словоформе *срам* свойственны следующие синтаксические функции: (1) функция подлежащего: *Сразу заметив двух девчонок, он покривил вишневой спелостью налитые губы, слетая с которых, как мы тут же убедились, всякий срам как бы удесятерился в срамности* (В. П. Астафьев *Веселый солдат*); *Отроду не слыхивала, чтобы в семье в нашей такой срам разводился* (Л. Сейфулина. *Виринея*); (2) функция дополнения: *Человек хотя бы носит одежды, и не видна вся гнусь его тела, зверь же весь наружу, он даже любит явить свой срам и даже воспользоваться им на виду, к*

примеру, *маленьких зверят* (Г. Щербакова. Ангел Мертвого озера); *Никто не знает, что выкинет эта женщина, она может внести страшный хаос в их жизнь, изобразить разрыв, уход, навести великий **срам** на семью, они должны сплотиться – не против нее, боже упаси, а против тех разрушительных сил, что в ней пробудились* (Ю. Нагибин. Терпение); (3) функция сказуемого: *Капричос – это уродство и даже ужас, это **срам** жизни, а тут нежное очищение и тихий, нежный смешок, как вздох младенца* (Г. Щербакова. Ангел Мертвого озера); (4) функция несогласованного определения: *Время ее **срама** давно прошло* (синкретизм второстепенных членов предложения: несогласованное определение + косвенное дополнение); (5) функция обстоятельства: *Они жили в этом **сраме** недолго*.

При словоформе *срам* на ступени периферии существительных [С(ущ) п(ред)] может быть в качестве распространителей: (1) какое-либо адъективное слово в пре- или постпозиции, согласуемое с ним в категориях рода, числа и падежа: *А для меня **надмирный срам** бани – это не просто голость...* (Г. Щербакова. Кровать Молотова); *Ей только жалко было Манефу, что **такой срам** у нее в обители случился* (П. И. Мельников-Печерский. На горах); *Не токма в церквах, в соборах треклятые мародеры завели нечисть и **всякий срам*** (Г. П. Данилевский. Сожженная Москва); (2) зависимое существительное в форме косвенного падежа в постпозиции: *Любил разврат, любил и **срам разврата*** (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы); *О, тогда **срам** остального позора я уничтожу, я ворочу украденные деньги, отдам их* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы); (3) глагол или глагольная связка в формах прошедшего времени и конъюнктива, отражающие род и число имени существительного. Напр.: *Какой **был срам** сознаваться в этом; **Особый срам** заключался в том, что я этого хотела* (А. Ткачева. Приворот).

На ступени **с(ущ) п(ред)** шкалы переходности представлен гибрид *срам*: существительное-предикатив. Важнейшим синтагматическим показателем гибрида является наличие адъективного слова (включая связку в форме прошедшего времени или конъюнктива), отражающего его род и число, а также (или) употребление в предложении препозитивного инфинитива в функции подлежащего. На ступени гибридности происходит трансформация предметного значения словоформы *срам* в значение состояния и оценки (ср. возможность постановки двух вопросов: *Что? Каково?*). Гибрид *срам* удерживают в системе существительных лексико-грамматические признаки исходной части речи – род и число (почему и возможно при нем определяющее адъективное слово), но его падежная структура деформирована, и форма именительного падежа выпадает из парадигмы. Можно выделить несколько подступеней в зоне гибридности: **с(ущ) п(ред) 1**; **с(ущ) п(ред) 2**; **с(ущ) п(ред) 3**; **с(ущ) п(ред) 4**.

На подступени **с(ущ) п(ред) 1** гибрид *срам* выступает в двусоставном предложении в

синтаксической позиции именной части составного сказуемого в сочетании с согласуемым адъективным словом при подлежащем-инфинитиве. Напр.: ***Выглядеть** в глазах любимой женщины **неблагородным** – **большой срам**; **Явиться** в таком виде на собрание – это же **полнейший срам**.*

Подступень **с(ущ) п(ред) 2** эксплицирует переходную зону между двусоставным и односоставным (безличным) предложением. При гибриде (*срам*) употребляется синкретичный инфинитив, совмещающий функции несогласованного определения и части сказуемого; обязательным является наличие адъективного слова и / или связки, отражающих формы рода и числа гибрида. Напр.: ***Срам** какой **сознаваться!*** (Н. С. Лесков. Грабеж); ***Большой срам** **показаться** на людях после всего содеянного.*

На подступени **с(ущ) п(ред) 3** представлен гибрид *срам* с признаками **с(ущ) п(ред) 1** или **с(ущ) п(ред) 2**, но с дополнительным показателем – субъектным (или объектным) детерминантом. Напр.: ***Большой срам** **ему думать** об одном себе, когда отечество в опасности; **Для него был срам**, конечно, **распространять** скандальные слухи; **Претерпеть** такое наказание **был для него срам**.*

На подступени **с(ущ) п(ред) 4** располагается гибрид *срам*, выступающий без согласуемых адъективных слов в функции составного именного сказуемого при инфинитиве-подлежащем. Связка при этом употребляется в прошедшем времени или конъюнктиве в форме среднего рода, а также в нулевой форме). Напр.: ***Смотреть было срам** на него; **Колготки**, носки на ней были заношены до дыр, а на бельишко и вовсе **смотреть срам*** (Б. Екимов. Продажа); ***Ненавидеть** за джинсы – **просто срам*** (Г. Щербакова. Мальчик и девочка); ... ***Обозвать** беременную порченой – **срам*** (Г. Щербакова. Митина любовь). Отметим также возможность употребления с гибридом полуотвлеченной связки *стать*: *В создавшейся ситуации даже **говорить** об этом **стало бы срам**.*

Степень **с(ущ) П(ред)** на шкале переходности манифестирует зону периферии предикативов. Словоформа *срам* утратила на этом этапе функциональной предикативации семантику предметности; грамматические формы рода, числа, падежа и выражает морально-этическую оценку действия, сохраняя, в то же время, семантическую связь с исходной субстантивной лексемой (*срам*). Транспонируясь в предикатив, она перестает выполнять первичные синтаксические функции существительного (подлежащее и дополнение), закрепившись на ступени гибридности в позиции сказуемого двусоставного предложения с подлежащим-инфинитивом, а на ступени периферии предикативов – в роли главного члена односоставного безличного предложения. Степень периферии функциональных предикативов допускает дальнейшую градацию в виде нескольких подступеней: **с(ущ) П(ред) 1**; **с(ущ) П(ред) 2**; **с(ущ) П(ред) 3**.

На подступени **с(ущ) П(ред) 1** периферийный отсубстантивный предикатив *срам* употребляется в функции именной части синкретичного глагольно-именного главного члена (предиката) односоставного безличного предложения. В постпозиции к нему примыкает зависимый инфинитив. Напр.: *А твои-то точно некормленная кляча! **Срам посмотреть**, как выезжаете со двора на бурой кобыле: точно нищие!* (И. А. Гончаров. Обломов); *А прежде гривенники да двугривенные болтались в кармане, а иногда, **срам сказать**, зачастую и медью приходилось собирать* (И. А. Гончаров. Обломов); *Конкордия Сергеевна подняла на него свое осунувшееся лицо. – Да вот засиделась тут с креслами: **срам взглянуть**, совсем оборвались бахромки* (В. В. Вересаев. На повороте); *Хоша и ковры везде, и серебряной посуды вдосталь, и дорогих халатов, и шуб, и камней самоцветных довольно, а по будням ходит, так **срам поглядеть** – халатишко старенький, измасленный, ичеги в дырах – а ему нипочем* (П. И. Мельников-Печерский. На горах); *Та клялась всеми угодниками, что видела, как ранним утром в день благовещенья черти Егориху, ровно шубу в Петровки, проветривали: подняли ведьму на воздуси и долгое время держали вниз головою, **срам даже смотреть было*** (П. И. Мельников-Печерский. В лесах); *Она разрядится, точно пава, и ходит так важно; а кабы кто посмотрел, какие юбки да какие чулки носит, так **срам посмотреть!*** (И. А. Гончаров Обломов); *Ей-богу-с; да чего, сударь, **срам сказать**, иной раз из Москвы соленые-то огурцы возят* (И. А. Гончаров. Обыкновенная история); *У этого левое плечо выше правого, у того одна нога короче другой, кривобокие да горбатые – ну **срам взглянуть!*** (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году).

На подступени **с(ущ) П(ред) 2** представлен периферийный отсубстантивный предикатив *срам* с признаками подступени **с(ущ) П(ред) 1**, но с дополнительным показателем – субъектным (или объектным) детерминантом. Напр.: *Им будет **срам** даже **смотреть** на тебя!* – *А мой вот тебе сказ, – начала няня, – **срам нам так жить*** (Н. С. Лесков. Некуда).

На подступени **с(ущ) П(ред) 3** периферийный предикатив *срам* выступает в позиции главного члена односоставной безличной конструкции со связкой нулевой (в значении настоящего времени) или звуковой (в значениях прошедшего времени среднего рода или будущего времени), а также с косвенным падежом имени в значении субъекта или объекта. В конструкции без зависимого инфинитива при предикативе *срам* дательный субъекта обозначает носителя состояния. Семантика морально-этической оценки действия в словоформе *срам* (*смотреть*), употребляемой в конструкциях с инфинитивом, преобразуется в предикативе без примыкающего инфинитива в семантику состояния. Напр.: *А по настоящему, выздоровлению сына, если б он был, была бы, может быть, меньше рада, чем твоему; и если ты мне в этом не поверишь, то **срам тебе*** (Ф. М. Достоевский. Идиот);

Он ему как бельмо на глазу, да и **бабе срам** один (М. Арцыбашев. Куприян).

В заключение отметим, что в эмоционально насыщенной речи словоформа *срам* выражает психологическое состояние субъекта, подвергаясь сразу двум типам транспозиции – предикативации и интеръективации. Напр.: *Если б покойник Игнат прочитал в газете о безобразной жизни своего сына – убил бы он Фомку! – говорил Маякин, ударяя кулаком по столу. – Ведь как расписали? **Срам!*** (М. Горький. Фома Гордеев); *Загляни в старый дом, на предков: постыдись хоть их! **Срам, Борюшка!*** (И. А. Гончаров. Обрыв); *Посмотри, ведь ты вся законфузилась перед ним, срам!* (Ф. М. Достоевский. Подросток); *Сапоги сами снимают с себя: какую-то машинку выдумали! – с сокрушением продолжал Захар. – **Срам**, стыд, пропадает братство!* (И. А. Гончаров. Обломов); *Посмотрите, какая гадость печатается в журналах: **срам!*** (Н. С. Лесков. Некуда); *Фунтами, хлеб вешают, словно в голодный год, – **срам!*** (И. А. Гончаров. Обыкновенная история).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1 : Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
2. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
3. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
4. Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. – М.: МПГУ, 2006. – 304 с.
5. Евтюхин В. Б. Наречие. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 48 с.
6. Краткая русская грамматика / под ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В. В. – М. Рус. яз., 1989. – 639 с.
7. Русская грамматика: В 2 т. – М.: Наука, 1980. Т. 1. – 783 с.
8. Шигуров В. В. О предикативации и модалации как особых типах транспозиции в системе частей речи русского языка // Альманах современной науки и образования [Текст]. – № 8 (15): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: В 2 ч. Ч. 2. – Тамбов: «Грамота», 2008. – С. 216–218.
9. Шигуров В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). – М.: Academia, 2009. – 464 с.
10. Шигуров В. В. Предикативация существительных в русском языке: синтаксический аспект // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2009. – № 1. – С. 52–56.

ДЕМЕНТЬЕВА Е. С., ДЕНИСОВА Л. Н.

**ГЛАГОЛЫ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МЕДИА-ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)**

Аннотация. В статье анализируются семантические особенности глаголов, входящих в группу межличностных отношений. Исследуются глаголы с разнообразными значениями, употребляющиеся в текстах статей газеты «Комсомольская правда»: глаголы эмоционально-оценочного отношения, глаголы внешнего проявления отношения, глаголы контакта. В каждой подгруппе глаголов выявлены отрицательные и положительные межличностные отношения, уточняющиеся такими признаками, как «мимика», «жест», «действие», «поведение».

Ключевые слова: глаголы межличностных отношений, эмоционально-оценочное отношение, внешнее проявление отношений, глаголы контакта, интегральная сема.

DEMENTIEVA E. S., DENISOVA L. N.

**VERBS OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN MEDIA TEXTS:
A STUDY OF THE NEWSPAPER "KOMSOMOLSKAYA PRAVDA"**

Abstract. The article analyzes the semantic peculiarities of the verbs of interpersonal relationships. In this connection, the authors study the verbs with a variety of meanings used in the texts of the newspaper "Komsomolskaya Pravda": verbs of emotional assessment of relationships, verbs of external manifestation of relationships, verbs of contact. As a result, each sub-group of the verbs in question refers to both negative and positive interpersonal relationships specified by such features as "gesture", "facial gesture", "action", "behavior".

Keywords: verbs of interpersonal relationships, emotional assessment of relationships, external manifestation of relationships, verbs of contact, integral seme.

В настоящее время изучение семантической системы русского языка вызывает особый интерес исследователей, в частности семантических классов русских глаголов. С точки зрения семантики глагола обычно выделяют три семантических поля: действия, состояния и отношения. В рамках поля выделены подполя, в них – отдельные лексико-семантические группы; наиболее объемные лексико-семантические группы делятся на подгруппы. В современной лингвистике ведется работа по изучению целого ряда лексико-семантических и тематических групп [2; 7; 9 и др.]. Большое количество исследований посвящено описанию глаголов, входящих в различные лексико-семантические группы. Это глаголы речи, профессионально-трудовой деятельности, бытийные глаголы, глаголы отношения, глаголы восприятия, глаголы созидания, глаголы звучания, глаголы поведения и другие.

Вместе с тем описание, существующее на настоящий момент, является далеко не полным. Ряд глаголов традиционно вызывает значительные трудности в описании, так как смысловая разнородность не позволяет отчетливо сформулировать объединяющее их значение. Одной из таких «проблемных» групп является группа глаголов, которые могут быть условно обозначены как «глаголы отношения». Ученые определяют их как лексико-семантическое поле, внутри которого разграничиваются глаголы взаимоотношения, межличностных, социальных отношений и др.

Исследования, в которых рассматриваются глаголы межличностных отношений как самостоятельный объект обучения, довольно многочисленны [1; 3; 4; 5; 6; 8 и др.]. Анализ глаголов данной группы проводился на материале художественной литературы; что касается других стилей, то такие исследования отсутствуют. Нами предпринимается попытка проанализировать глаголы межличностных отношений, функционирующих в средствах массовой информации.

До сих пор нет однозначного решения вопроса, какие глаголы образуют группу межличностных отношений. Сложность семантической структуры позволяет рассматривать и одну и ту же лексему и как глагол отношения, и как глагол речи, эмоционального состояния, поведения и т.п. М. В. Фролова объясняет это тем, «что в значениях глаголов межличностных отношений сочетаются два типа категориальных сем. Так, в значении слов *ненавидеть, любить, уважать, чтить, презирать, уважать, боготворить, восхищаться, обожествлять* сочетаются категориальные семы ‘отношение’ и ‘чувство’; в значении слов *иронизировать, насмехаться, осуждать, оскорблять, хвалить, осмеять* сочетаются категориальные семы ‘отношение’, ‘чувство’ и ‘речь’; в значении слов *условиться, договориться, сговориться* – ‘отношение’ и ‘речь’; *лебезить, гнушаться, кокетничать, тиранствовать, миндальничать* – ‘отношение’ и ‘поведение’ и т.д. Взаимодействие подобных категориальных сем формирует семантику большинства глаголов межличностных отношений. Глаголы могут быть отнесены к различным ЛСГ в зависимости от того, какую из сем считать основной» [Фролова 2010]. С точки зрения психологии, под межличностными отношениями понимается субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения.

За основу исследования мы взяли классификацию, которая приводится в «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко, где выделяются глаголы эмоционально-оценочного отношения (положительного – *доверять, дружить, жалеть, любить* и т.п.; отрицательного – *враждовать, завидовать, презирать* и т.п.), глаголы внешнего проявления отношения (положительного – *аплодировать, обнимать* и т.п.;

отрицательного – *грозить, иронизировать, оскорблять* и т.п.) и глаголы контакта (глаголы согласованных действий, глаголы расположения к контакту – *договариваться, задабривать* и т.п.). В некоторых классификациях предлагается выделять подгруппу прерывания контакта (*ссорить, ругаться* и т.п.)

Проанализируем глаголы межличностных отношений, употребляющиеся в газете «Комсомольская правда».

В первую группу входят глаголы, обозначающие эмоционально-оценочное отношение (положительное и отрицательное). Положительное эмоционально-оценочное отношение выражается глаголами *любить, дружить, доверять, переживать, сопереживать* и т.п., употребляющимися в прямых лексических значениях. Напр.: Друзей у меня немного, но они хорошие, которым я *доверяю* (КП от 02.12.2010). Но она *любила* его... и потом проучила его (КП от 6.10.2011). Ничего, я не жалею. И вы не пугайте моих зрителей и поклонников, а то будут за меня *переживать* (КП от 02.12.2010).

В некоторых конструкциях употребляются приставочные глаголы, причем с приставками, которые обычно не характерны для образования того или иного способа глагольного действия: *сдружиться, задружиться* и т.п. Напр.: В последние годы Барыкин *сдружился* с писательницей Леной Лениной (КП от 31.03.2011). Девочки *задружились*, подали в суд (КП от 15.03.2012).

Отрицательное эмоционально-оценочное отношение передается такими глаголами *презирать, ненавидеть, враждовать* и т.п. Напр.: За что же местное население так *ненавидит* и притесняет будущих врачей? (КП от 02.12.2010). Выделяются такие глаголы, как *пожирать* в переносном значении, характерные для публицистического стиля, напр.: И, пока мы не *пожрали* друг друга и не развалили свою страну второй раз на жизни одного поколения, нам надо выбираться на твердый путь к правде, порядку и прогрессу (КП от 30.12.10).

Следует заметить, что в данной подгруппе довольно многочисленны глаголы, имеющие положительную семантику, но употребляющиеся с отрицанием: *не доверять, не любить, не ценить, не уважать* и т.п. Поэтому глаголы такого типа обозначают отрицательное эмоционально-оценочное отношение. Напр.: Властям станичники вовсе *не доверяют*, подозревая те власти в дружбе с ненавистными элементами (КП от 02.12.2010). Если все переругаются и *перестанут доверять друг другу*? (КП от 09.12.2010). Тех, кто ему следует (лозунгу – авт.), *не уважают* и *не ценят* (КП от 31.03.2011). Обидно, что мы *не ценим* живых (КП от 31.03.2011). Запуская своего сына в клетку, родители перестают видеть в нем ребенка, а начинают видеть бойцовскую собаку, которую *не надо любить*, ее надо заставить побеждать (КП от 29.09.2011).

Особо следует сказать о конструкциях, в которых одновременно употребляются глаголы, обозначающие и положительное, и отрицательное эмоционально-оценочное отношение. В одном контексте нередко встречаются антонимы: А с кем он, другой, *дружит* и с кем *враждует*, про то студенты сейчас активно гадают, потому как от этого будут зависеть масштабы их будущих ограблений и изнасилований (КП от 02.12.2010). Еще год назад толстосумы таких *презирали*, а теперь *благоговеют* (КП от 24.12.2009). В редких случаях отрицательное эмоционально-оценочное отношение передается словосочетанием: У зарубежных ученых «этот странный Перельман» (его имя уже стало притчей во языцех) *вызывает* легкое *раздражение* (КП от 29.09.2011). Иногда положительное и отрицательное отношение выражает один и тот же глагол (с отрицанием и без него): Гитлер *не любил* Россию, а очень *любил* Англию (КП от 23.06.2011).

Довольно многочисленны глаголы, обозначающие внешнее проявление положительного и отрицательного отношения типа *ублажать*, *обнимать*, *ухаживать*, *обвинять*, *грозить* и т.п. Такие глаголы употребляются как в прямом, так и в переносном значении. Напр.: Так, как *ублажали* Муамара Каддафи в Париже, его не *ублажали* нигде (КП от 31.03.2011). Еще недавно Европа спешила *обласкать* вождя Ливийской Джамахирии, чтобы получить нефть, газ и заказы на оружие (КП от 31.03.2011).

В этой группе можно выделить интегральную сему «способ проявления отношения». Внешнее проявление положительного отношения уточняется такими признаками, как «мимика» (*улыбаться*), «жест» (*благодарить*), «действие» (*обнимать*, *ухаживать*, *защищать*), «поведение» (*заступаться*). Напр.: Я же Снегурочка, мне положено быть холодной, – *улыбаюсь* во весь рот.... Поспи, мое чувство собственного достоинства, всего минут пятнадцать *улыбаться* осталось (КП от 24.12.2009). Тот *отблагодарил* мальчика – дал тысячу рублей (КП от 22.12.2011). Милиция и прокуратура, понятно, *защитить* всех студентов от злого духа не могут, потому как бороться с призраком – все равно что стрелять по булгаковскому коту (КП от 02.12.2010). Окинув меня пьяным взглядом, принялся *обнимать* даму в красной блузке (КП от 24.12.2009). По другой версии, крепко отметив 8 марта, *заступился* за оскорбленную девушку-модель и получил бутылкой по голове (КП от 15.03.2012).

Заметим, что у одного и того же глагола в разных контекстах могут быть разные способы внешнего проявления отношения, ср.: У меня мама очень больная была, я за ней *ухаживала* (КП от 06.10.2011). За мной *ухаживал* актер Гомиашвили (КП от 06.10.2011). ...Спортивная группировка, руководимая нашим героем, активно *ухаживала* за девушками, особенно приехавшими в станицу студентками (КП от 02.12.2010). При употреблении глагола *ухаживать* в первом приведенном предложении актуализируется признак

«действие», во втором и третьем предложениях данный глагол выражает дифференциальный признак «жест».

Однако в исследуемых материалах гораздо больше глаголов внешнего проявления отрицательного отношения, чем положительного: *глумиться, угрожать, мстить, обвинять* и т.п. Напр.: Над учащимися сих заведений *глумятся* ничуть не меньше (КП от 02.12.2010). Встречаются глаголы в переносном значении, употребляющиеся в составе словосочетания, напр.: И Гитлеру стали *указывать это самое «место»* (КП от 23.06.2011).

Внешнее проявление отрицательного отношения очень часто проявляется через речь (*огрызаться, угрожать, пригрозить, обвинить* и т.п.). Напр.: Хрущев начал перебивать, *огрызаясь*, начал какие-то реплики бросать... (КП от 22.12.2011). Перед ее уходом муж главной аптекарши начал *угрожать* (КП от 16.12.2010). Насильника даже взяли под стражу, но мама его, властная и огнедышащая, как Везувий, *пригрозила* разнести милицию на кирпичи (КП от 02.12.2010).

В анализируемой подгруппе можно выделить интегральную сему «поведение», конкретизирующую способ внешнего проявления отрицательного отношения. Названная сема появляется у часто употребляемого глагола *мстить*. Напр.: Стоматолог из Польши *отомстила* бывшему мужу (КП от 15.03.2012). Может быть, бывшая теща так *мстит* зятю за покинутую дочь (КП от 07.01.2010).

В исследуемых материалах зафиксированы глаголы со значением контакта. Для установления контакта обычно используется глагол *знакомиться*. Напр.: В конце концов остановились и *познакомились* с семьей из Аргентины (КП от 10.05.2012). Иногда встречаются словосочетания, характерные, как правило, для публицистического стиля, типа *подсовывать спиртное* как способ установить контакт. Напр.: Саша не унимался. Начал *подсовывать спиртное* (КП от 24.12.2009).

Подгруппа глаголов согласованных действий, или поддержания контакта, представлена лексемами *договориться, согласиться, торговаться, жениться* и т.п. Напр.: Можно и на 30 тысяч евро с ним *торговаться* (КП от 23.12.2010). Практически сразу после школы 18-летний Ургант вопреки воле родителей *женится* на студентке Петербургского университета культуры Карине, которая была старше его на четыре года... (КП от 07.01.2010). Нередко для поддержания контакта употребляется глагол *контачить*. Напр.: *Контачить* чиновники из разных структур будут по системе межведомственного электронного взаимодействия (КП от 06.10.2011). Потому велика опасность для тех, кто захочет *контачить* с прессой и органами (КП от 02.12.2010).

Особенно многочисленными являются глаголы прерывания контакта (*ругаться, разводиться* и т.п.). Напр.: Президент Гватемалы *разводится* с женой Сандрой, чтобы она

могла участвовать в выборах (КП от 31.03.2011). Если все *переругаются* и перестанут доверять друг другу? (КП от 09.12.2010). Межличностные отношения могут выражаться глаголами других лексико-семантических групп, которые в контексте приобретают семантику отношения. В смысловой структуре глаголов *скандалить*, *драться*, *судиться*, на наш взгляд, объединены такие категориальные семы, как «отношение», «поведение», «действие» и некоторые другие. Напр.: Лебедев и Полонский *подрались* на телевизионном ток-шоу...(КП от 29.12.11). Жена зам.полпреда Чечни *поскандалила* с движением «Стоп-хам» (КП от 15.03.2012). Интересно прожили этот год и наши богачи. Березовский и Абрамович *судятся* в Лондоне...(КП 29.12.11.) .

В результате анализа материала мы пришли к следующим выводам. В газете «Комсомольская правда» глаголы межличностных отношений нередко сочетают в себе несколько категориальных сем. Такое взаимодействие лексико-семантических групп иногда вызывает затруднение в определении принадлежности того или иного глагола к группе межличностных отношений. Нами проанализированы глаголы трех групп: эмоционально-оценочного отношения, внешнего проявления отношения и контакта, подразделяющиеся на несколько подгрупп. Наблюдения над исследуемыми материалами показали, что глаголы с отрицательной семантикой используются чаще, чем с положительной. Вероятно, это связано с влиянием экстралингвистических факторов на формирование публицистического стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Т.П. Коммуникативно-прагматические особенности глаголов межличностных отношений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 20 с.
2. Гайсина М.Р. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1981. – 196 с.
3. Гоголина Н. А. Лексико-семантическая группа глаголов межличностных отношений (на материале русского литературного языка XIX-XX вв.). Автореф. дис. . канд. филол. наук. – Л., 1986. – 16 с.
4. Румянцева М. В. Семантика и функции глагольных предикатов межличностных отношений в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1997. – 17 с.
5. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: «АСТ – ПРЕСС», 1999. – 704 с.
6. Фахарова Г.Р. Функции глаголов межличностных отношений в языке произведений И.А. Бунина // Вестник Пермского университета. Вып. 2 (14). – Пермь, 2011. – С. 111-116.
7. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – С. 227-239.
8. Фролова М.В. Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х годов XX века (на материале текстов А.П. Платонова и М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, – 2008. – 18 с.
9. Фролова М.В. Проблемы изучения глагольной лексики с семантикой отношения в русском языке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uf.volsu.ru/wp-content/uploads/spetzk_frol_fil_4.doc

ЛАПИЦКАЯ А. В.

**АНАЛИЗ ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ Ю. САМОХВАЛОВА – ПЕРСОНАЖА ФИЛЬМА
Э. РЯЗАНОВА «СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН»)**

Аннотация. Статья посвящена анализу вербально-семантического уровня языковой личности Ю. Самохвалова – персонажа художественного фильма Э. Рязанова «Служебный роман».

Ключевые слова: языковая личность персонажа, вербально-семантический уровень, тематическая группа, Ю. Самохвалов.

LAPITSKAYA A. V.

**ANALYSIS OF VERBAL-SEMANTIC LEVEL OF FICTION LINGUISTIC
PERSONALITY: A STUDY OF SPEECH ACTIVITY OF Yu. SAMOKHVALOV, A
CHARACTER OF THE MOVIE "OFFICE ROMANCE" BY E. RYAZANOV**

Abstract. The article presents an analysis of the verbal-semantic level of linguistic personality of Yu. Samokhvalov, a character of the movie "Office Romance" directed by E. Ryazanov.

Keywords: linguistic personality of fiction character, verbal and semantic level, topic group, Yu. Samokhvalov.

С 80-х гг. прошлого века проблема проявления личности в языке и общении активно разрабатывается философами, культурологами, психологами, лингвистами. В современном языкознании исследованием языковой личности занимаются Г. И. Богин (1986), Ю. Н. Караулов (1987, 2010), В. В. Соколова (1995), И. Н. Горелов (1997), В. П. Конецкая (1997), О. Б. Сиротинина (1997), С. Г. Воркачев (2001), В. И. Карасик (2002), К. Ф. Седов (2004), В. П. Нерознак и И. И. Халеева (2005) и др.

Так, за последние годы были проведены лингвистические исследования в аспекте изучения языковой личности политического деятеля, телеведущего, бизнесмена, переводчика, писателя, интеллигента, царя, учителя, ученого и др.

Вслед за Ю. Н. Карауловым под языковой личностью мы понимаем совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) [8, с. 3].

Объектом нашего исследования стала языковая личность персонажа художественного фильма «Служебный роман» Ю. Самохвалова.

На сегодняшний день наиболее остро стоит вопрос о соотношении понятийного компонента терминов *языковая личность* и *коммуникативная личность*.

О. Л. Арискина и Е. А. Дрянгина выделяют три основных подхода, определяющих соотношение данных понятий:

1. Понятие *языковая личность* шире понятия *коммуникативная личность* [13; 3]. Согласно этой точке зрения, языковая личность предстает в четырех ипостасях – мыслительной, языковой, речевой, коммуникативной и трактуется как «суперкатегория» [4].

2. Понятия *языковая личность* и *коммуникативная личность* не разграничиваются. Так, В. И. Карасик [7] замечает, что языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность.

3. Понятие *коммуникативная личность* шире понятия *языковая личность*. В. П. Конецкая считает, что понятие *коммуникативная личность* предполагает характеристики, связанные с выбором не только вербального, но и невербального кода коммуникации, с использованием искусственных и смешанных коммуникативных кодов, обеспечивающих взаимодействие человека и машины [10].

От того, какой концепции придерживается тот или иной исследователь, во многом зависит предлагаемая им структура языковой личности. В настоящее время различное строение языковой личности рассматривается в работах Ю. Н. Караулова, Г. И. Богина, В. П. Нерознака и И. И. Халеевой и др.

Наиболее регулярно в научных работах используются модели Ю. Н. Караулова и Г. И. Богина. (Для анализа языковой личности персонажа художественного произведения наиболее «работающей» представляется модель Ю. Н. Караулова).

Ю. Н. Караулов видит структуру языковой личности трехуровневой:

1) вербально-семантический уровень, отражающий степень владения языком (включает фонетические, грамматические, лексические, синтаксические средства, наиболее важными из которых являются лексические);

2) лингвокогнитивный уровень (или тезаурусный), отражающий картину мира языковой индивидуальности (сюда входят понятия, идеи, концепты, системы ценностей, актуальные для носителя языка, характеризующегося как языковая личность);

3) прагматический уровень (или мотивационный), включающий цели, мотивы, интересы, установки. Эти компоненты проявляются в процессе порождения текстов и их восприятия [8; 9]. Данный уровень реализуется через умения классифицировать ситуации речи и в соответствии с компонентами ситуации (сфера деятельности, позиции коммуникантов, цель общения) строить текст [6]. Как видим, на третьем уровне собственно языковая личность «превращается» в личность коммуникативную.

Предмет нашего исследования – анализ вербально-семантического уровня языковой личности персонажа Ю. Самохвалова.

Все слова, функционирующие в речи персонажа Ю. Самохвалова, мы классифицировали по тематическим группам. В данной статье будут охарактеризованы наиболее крупные тематические группы слов.

Наш анализ показал, что самой многочисленной тематической группой является «Служебная деятельность»: *резолуция, в бухгалтерию, оплатить, рассмотреть, статистика по химической промышленности, товарищи, кабинет, приказать, заместитель, новый начальник, вступить в должность, назначение, руководить отделом, начальник отдела легкой промышленности, отчет, показатель, засидеться на мелкой работе, вступление в должность, предложить кандидатуру, старший статистик, отдел общественного питания, местная промышленность, район дирекции, внедрять план, министерство, рабочее время, зал заседаний, сотрудницы, с целью получить место начальника отдела, скрывать от коллектива, сослуживцы, подписать, прибавка к зарплате.*

Как видим, в данной группе слов много канцеляризмов, штампов советской эпохи. Часто из слов данной группы в речи персонажа формируются словосочетания и предложения: «С целью получить место начальника отдела...», «... что я должен скрывать от коллектива», «если я предложу твою кандидатуру еще раз ...», «... но я еще не вступил в должность». Самыми частотными лексемами в этой тематической группе являются единицы «должность» и «кабинет». Вышесказанное характеризует Ю. Самохвалова как чиновника и карьериста. В дискурсе художественного фильма данные слова помогают созданию комического эффекта.

Второй по численности является группа «Ономастика». В ней можно выделить подгруппу антропонимов: *Людмила Прокофьевна, Юрий Григорьевич, Новосельцев, Толя, Толька, Оля, Калугина, Ольга Петровна, на Машу Селезневу, Калугина, Оленька, Бубликов, Баровских, Верочка, Шура, Рыжова, американец Колдер.*

Герой произносит имена очень часто, повторяя и варьируя их в зависимости от ситуации, напр.: *Рыжова, Оля, Ольга Рыжова, Ольга Петровна, Оля-Оля, Оленька.* Причем использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в речи Ю. Самохвалова будет показателем не нежности и теплых чувств, а проявлением снисходительности или «заигрывания» (напр., обращение к секретарю – *Верочка*).

Также здесь выделяется группа топонимов и слов, связанных с определенным географическим объектом: *Сувенир из Швейцарии, в Швейцарии, в Женеве, Филипс, в Европе, сыр швейцарский, маслины греческие.* Сюда же можно отнести и использование иноязычных слов (варваризмов): *Sit down, please.*

Все это свидетельствует о желании героя подражать западному образу жизни, а также выявляет его основные черты характера – самолюбование и самовосхваление. Это подчеркивает эффект «говорящей» фамилии героя.

Следующая группа – «Этикетные слова и выражения»: *простите, пожалуйста, доброе утро, разрешите, всего хорошего, спасибо, доброе утро, спасибо, виноват, здравствуйте.*

Данные лексемы повторяются регулярно. Наиболее частотные «пожалуйста», «простите». Эта группа показывает нам персонажа Ю. Самохвалова как человека, склонного к фатическому общению, знающего нормы вежливости и применяющего их на практике. Однако, когда «этикетная» группа слов преобладает над «этической», как в данном случае, это является показателем нравственной пустоты и «наигранности», неискренности общения.

Так называемой «этической» группы слов на вербально-семантическом уровне языковой личности Ю. Самохвалова нами не было обнаружено. Ее замещает группа слов, характеризующих состояние человека: *я нормально, сложно, немножко терпения, смогу довериться, надеюсь, мне ничего не жаль, успокаивает нервы, настроение, мне очень приятно, я очень тронут, меня беспокоит душевное состояние, я пытался образумить.* Некоторые слова из этой группы могут сформировать класс «советов»: *не обижайтесь, не переживай.*

Интерес представляет группа слов, связанных с наименованием и описанием человека: *очки, усы, лысый, не так плох, очень способный, очень тактичны, мой человек, немолодая, некрасивая, одинокая женщина, пугало (ее можно выставлять на огороде), характер тетка умная, неплохой парень, странный умница, чудака, милый, добрый, славный мой человечек, молодец, посредственность.* Здесь опять прослеживается высокомерие героя «человечек», «странный», «умная тетка», «чудака», «пугало» и т.п.

Формат статьи не позволяет представить все тематические группы слов, характеризующие вербально-семантический уровень языковой личности данного персонажа. Мы показали наиболее яркие черты героя, отраженные в его лексиконе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арискина О. Л., Дрянгина Е. А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – № 25 (240). – 2011. – Вып. 58. – С. 15 – 19.
2. Богин Г. И. Типология понимания текста. – Калинин: КГУ, 1986. – 87 с.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.

4. Галстян С. С. Языковая личность – основа телевизионной коммуникации // [Электронный ресурс]: Вестник электронных и печатных СМИ. – 2007. – Вып. 3. – С. 22 – 37. – Режим доступа: <http://vestnik.ipk.ru/index.php?id=1544>.
5. Горелов И. Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: «Лабиринт», 1997. – 220 с.
6. Захарова Н.Н., Константинова Л.А. Теоретические и прикладные основы курса «Русский язык и культура речи» // Риторика и культура речи в современном информационном обществе: мат-лы докл. участников XI Междунар. науч.-методич. конф. (Ярославль, 29 – 31 января 2007 г.). – Ярославль, 2007. – Т. 1. – С. 112 – 118.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
10. Конецкая В. П. Социологии коммуникации. [Электронный ресурс]: Учеб. – М.: Междунар. ун-т Бизнеса и Управления, 1997. – 304 с. – Режим доступа: http://www.i-ru/biblio/archive/koneckaja_sociologija/
11. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
12. Сиротинина О. Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово. Межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б. Н. Головина. – Н. Новгород, 1997. – С. 7 – 12.
13. Соколова В. В. Культура речи и культура общения. – М.: Просвещение, 1995. – 192 с.

ПИВКИНА Е. В.

**ЖАНР БАЛЛАДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ: ПРОБЛЕМА
ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРОВЫХ ФОРМ**

Аннотация. В статье рассматривается судьба жанра баллады в современной отечественной поэзии. Говоря о трансформации жанровых форм, автор статьи приходит к выводу о функционировании в поэзии рубежа XX-XXI вв. двух типов баллад (лирической и мистико-драматической).

Ключевые слова: баллада, лиро-эпический жанр, жанровая трансформация, мистико-драматический сюжет.

PIVKINA E. V.

**BALLAD GENRE IN MODERN POETRY:
A STUDY OF THE GENRE FORMS' TRANSFORMATION**

Abstract. This article studies the development of the ballad genre in the modern Russian poetry. Considering the genre forms' transformation process, the author identifies two types of ballads (lyrical and mystical drama) functioning in the Russian poetry between the XXth and XXIst centuries.

Keywords: ballad, lyric-epic genre, genre transformation, mystical and dramatic plot.

Поэзия рубежа XX-XXI веков активно пополняется новыми именами, ищет новые формы выражения авторского взгляда на мир. Современных авторов привлекают языковые эксперименты, визуализация стиха. Гибкость и неоднородность жанровой системы современной поэзии также подталкивает авторов к поискам и осмыслению новых форм. Следует отметить, что среди многообразия поэтических жанров, поэтов рубежа XX – XXI вв. привлекает и жанр баллады. Прежде всего, баллада воспринимается как «гибридный» (Д. Магомедова) лиро-эпический жанр, в котором сочетаются лирическое, эпическое и драматическое начала. «Ее специфическая природа (генетическая связь с фольклорными жанрами, историческими песнями, народными преданиями), – как утверждают современные исследователи, – дает возможность по-новому взглянуть на современную действительность» [3, с. 102].

Очевидная закономерная эволюция, произошедшая с балладой (возникновение в народной среде, расцвет в эпоху романтизма, демократизация в массовой культуре), сделала ее весьма популярным жанром. Баллада прошла длительный путь в своем развитии: от лирической хороводной песни (XIV – XVI вв. во Франции и Италии) до сюжетного

поэтического рассказа мистического содержания. Освоение балладного жанра на русской почве происходило в эпоху романтизма (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов). Ее появление в отечественной поэзии было связано прежде всего с переводами и переложениями английских (В. Скотт, У. Вордсворт, Д. Байрон и др.) и немецких (И. Гете, Ф. Шиллер, Г. Гейне и др.) образцов. В отличие от строгой сонетной формы русская баллада XIX века является более «свободным» жанром. Исследователи отмечают, что в балладе «допускается различный объем текста, позволительны разные виды рифмовки, но при этом необходимы повторы фраз, созвучия, мелодичность, что указывает на генетическое родство с балладой – плясовой песнью. Песенность – главное отличительное свойство всех разновидностей балладного жанра» [7].

Вопрос о трансформации жанровой формы баллады все чаще привлекает внимание современного литературоведения. Наиболее подробно, на наш взгляд, данная проблема рассматривается в работе В. А. Пронина «Теория литературных жанров» [7]. Уделяя основное внимание эволюции жанра, исследователь останавливается на некоторых выводах и обобщениях. Так, он считает, что наряду с формальными признаками баллада обладает и содержательными критериями. С течением времени, независимо от формы и содержания произведения, балладой стали называть лиро-эпические сюжетные стихотворения фольклорного происхождения или авторские, но созданные на материале фольклора. Однако ученый подчеркивает, что баллада, относящаяся к устному народному творчеству, имеет более древнее возникновение, чем литературная. «Происхождение баллады теряется в глубокой бесписьменной древности, что все теории о ней более или менее предположительны. Балладный синкретизм заставляет думать, что она есть прямой отголосок древнего единства коллективной жизни, порождение обряда и хорового исполнения. А, тем не менее, она жива и по сей день, узнаваемая в разливе так называемой авторской или гитарной песни, нередко сохраняющей все три основных принципа балладной формы», – заключает исследователь [7].

В. А. Пронин склонен выделять два вида баллад, уточняя, что с течением времени популярность ее не ослабевает, а, напротив, возрастает, что приводит в итоге к ослаблению жанровых признаков. Так, например, страшная баллада превращалась в смешную: «<...> почувствовав исчерпанность всякого рода бесовщины, Пушкин в балладе «Гусар» комически снижает все ведьминские проделки, да и сама история может быть воспринята как забавная байка, которую придумал старый гусар, чтоб пострасать молодого слушателя». Другой тип баллады – это «возвращение к песенному истоку» [см.:7]. В этом случае баллада как жанр утрачивает сюжетность, ей становится не столько важными детали, подробности событий, сколько само лирическое переживание – отклик на совершенное событие.

Теоретик литературы Б. В. Томашевский также говорит об изменчивости баллады как жанра, о значительной эволюции, которую проходил этот жанр в процессе становления: «Не следует забывать, что этот термин очень сильно менялся в различные времена у разных народов. До XVIII века слово «баллада» значило во Франции особую строфу и совершенно не имело в виду особой тематики. В начале XIX века в литературе модным было подражание шотландской балладе (род народной песни), и вскоре под словом «баллада» стали объединять стихотворения, тема которых разрабатывала предания и мифы народной устной литературы (фольклора). Вскоре утратилось чувство имитации фольклора, балладой стали называть всякую стихотворную повесть о чудесном, затем отпал и элемент фантастики, и под балладой стали разумеать сюжетное стихотворение» [9, с. 158].

В современном литературоведении находит отражение традиция двойственного понимания баллады. С одной стороны, в современной поэзии получила распространение так называемая лирическая баллада, т.е. баллада, приближенные к жанру лирического стихотворения, где важную роль играет не столько событийное начало, сколько лирическое переживание. С другой стороны, в современной поэзии отчетливо выделяется и баллада, тяготеющая к необычности, мистико-драматическим событиям. К первому типу, например, можно отнести баллады Д. Быкова («Баллады»), С. Кековой («Баллада об уходящем времени»), Е. Рейна («Баллада ночного звонка»), О. Хлебникова («Баллада о галошах», «Баллада о хозяйках», «Баллада о соседях», «Баллада о смысле жизни») и др. В таком типе баллад можно отметить традиционный лиризм, отсутствие элемента необычности, таинственности, мистики. В соответствии с их общим духом здесь отчетливо отразилась созерцательно-лирическая нота. В данном типе баллад доминируют лирически окрашенные авторские переживания. Кроме того, здесь поэты широко используют фольклорные тропы – эпитеты («мутные зеркала», «ангельский голос», «скудные рубли», «набор уютно-грозовой»), метафоры («между битых амуров», «Я сам в ответе за свой Эдем...»), гиперболы («Что там люди? Какой-нибудь атом, / Увидавши себя в чертеже / И сравнивши его с результатом, / Двадцать раз бы взорвался уже», «Вижу комнату твою – раз, должно быть, в сотый...» [2, с. 323]), сравнения («золотая, как блик на волне», «в блестящей, как змея, черной рамке узкой»), лексические параллели («А я – скрипучая койка в доме твоей дорогой, / А я – троллейбус такой-то, возивший тебя к другой, / А я, когда ты погибал однажды, устроил тебе ночлег – / И канул мимо, как канет каждый. Возьми и меня в ковчег!», «И ты, чужая квартира, / и ты, ресторан «Восход», / И ты, инвалид из тира, / и ты, ободранный кот...» [2, с.349]).

В целом, мы можем сказать, что первый тип или так называемая лирическая баллада строится не на мистико-драматическом сюжете, а на лирико-драматическом. Центральную

роль в этих балладах играет не рассказчик-повествователь, отстраненный от образа автора, а лирический герой, во многом ориентированный на образ поэта. Он передает не таинственно-драматическую историю жизни героев, а сосредоточивает внимание на динамике чувств лирического героя. Отсутствие динамичного балладного сюжета, системы персонажей, на первый взгляд, говорит о размывании жанровых границ баллады, ее трансформации в область лирического стихотворения. Однако наличие особого драматического переживания, сосредоточенность на жизни «дряхлого века», в частности, у Д. Быкова, а также сознательная авторская актуализация жанра – все это в совокупности может расцениваться как один из вариантов функционирования современной баллады.

Так, по мнению Т. Ш. Биттировой, «лирическая баллада XX века утратила свое мистическое начало, взамен которому пришло понимание любви как события рокового. Если классические образцы баллады характеризуются сознательным ограничением возвышенного тона повествования, то в современной балладе характерно единение автора с лирическим героем. И одновременно больше внимания уделяется внутреннему переживанию героев, миру их чувств и настроений» [1].

Однако, несмотря на значимость в общей балладной канве лирической баллады, мы не должны забывать и о втором, выделенном нами типе – балладе, тяготеющей к необычности, сверхъестественности. В ее основе может лежать мистический сюжет. Данный тип баллады наиболее часто можно встретить в творчестве поэтов, тяготеющих к называемой «авангардной» парадигме [см.: 4]. К данной парадигме можно отнести, например, творчество Т. Кибирова («Баллада о деве Белого плеса», «Баллада о солнечном ливне», «Баллада об Андрюше Петрове»), А. Ровинского («Собирательные образы»), Ф. Сваровского («Все хотят стать роботами»), М. Степановой («Песни северных южан») и др. При этом заметим, что в творчестве поэтов «традиционной» парадигмы часто не выдерживаются знаковые приметы жанра: событийность, динамичность сюжета, контаминация «чудесного», «ужасного» и «обычного» и др. Отсылка к балладному стиху происходит лишь на уровне заглавия и отдельных вкраплений изобразительно-выразительных средств, тогда как у поэтов-авангардистов игра с мистическими сюжетами, образом нарратора, проницаемость миров становятся главными отличительными признаками поэтики жанра. В них полностью выдержана таинственно-мистическая составляющая:

<...>

Дева белого плёса и тихой воды,
золотой красоты-наготы,
на белейшем коне, в тишине, в полусне...
Всё, ефрейтор злосчастный, кранты!

Всё, ефрейтор, пропал, никуда не уйдёшь!

Лучше б было нарваться на нож,
на душманскую пулю, на мину в пути.

Всё, ефрейтор; уже не уйдёшь [5].

Одним из самых ярких экспериментаторов с балладной формой в современной поэзии считается М. Степанова. Ее балладный цикл «Песни северных южан» (2001) демонстрирует пример трансформации «жанра баллады – романтической, мистической, блатной» [6]. Каждая из баллад М. Степановой, вошедшая в данный цикл, воссоздает мир безысходности отдельного человека, ненормальность его жизни в абсурдной действительности. Тесный, узкий совковый быт не дает внутренней свободы человеку. Мечты о счастье и свободе растворяются во снах, бреде, детских воспоминаниях, да и само понятие «счастье» деформируется в надломленном сознании героев. Каждая часть цикла показывает невозможность обретения семейного счастья. Автор словно пародирует советское идеологическое представление о семье как о «ячейке общества» [см: 3].

Неделю он пил, как слезу, со слезой.
Кому-то грозил, кому-то «Слезай!»
Держась хрипел за живот.
Потом же притих и тихо сказал,
Что там, наверху, – не глядя в глаза, –
Небесная Дочка живет.

И дочка, и бабка она, и жена,
И как под одеждой она сложена,
И я бы простила вранье,
Но очень уж тщательно он описал
Ее равнодушные, как небеса,
Бесцветные очи ее [8].

В творчестве же Ф. Сваровского и А. Ровинского также наблюдается своеобразная реинкарнация балладного жанра: привнесение в балладный стих нарочито фантастических и мистических сюжетов, смещение миров реального и потустороннего, изображение в качестве действующих лиц героев необычных.

Таким образом, можно констатировать, что в современной поэзии жанр баллады не утратил своей жизненной значимости, а, напротив, остается одним из востребованных жанров поэзии. Принадлежность к лиро-эпическим жанрам позволяет балладе объемно представить картину внутренних переживаний современного человека, последовательность его эмоциональных состояний, иногда автопародийное воспроизведение событий собственной жизни и творческого пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биттирова Т. Ш. Карачаево-балкарская лиро-эпическая поэма предписменного периода. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.balkaria.info/library/b>
2. Быков Д. Последнее время: Стихи, поэмы, баллады / Д. Быков. – М.: Вагриус, 2007. – 512 с.
3. Гудкова С. П. Особенности жанровых трансформаций в современной поэзии (на примере балладного цикла М. Степановой «Песни северных южан») // Гуманитарные науки и образование. 2013. – №1 – С. 102-106.
4. Гудкова С. П. «Традиционная» и «авангардная» парадигмы в современном поэтическом пространстве: теоретико- и историко-литературные аспекты проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического ун-та. – 2009. – № 4. – С. 210-214.
5. Кибиров Т. Баллада о Деве Белого Плёса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ljpoisk.ru/archive/483219.html>
6. Липовецкий М. Родина-жуть (Рец. на кн.: Степанова М. Проза Ивана Сидорова: Поэма. М., 2008) // Новое литературное обозрение. – 2008. - № 89. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/li18-pr.html>
7. Пронин В. А. Теория литературных жанров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Pronin/index.php.
8. Степанова М. Песни северных южан. – М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna, 2001. – 56 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/stepanova1-1.html>.
9. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М. : Аспент Пресс, 1999. – 203 с.

РЕБРУШКИНА Д. А.
ТЕКСТ СПОРТИВНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ В ДИСКУРСЕ
СПОРТИВНЫХ СМИ

Аннотация. В данной статье анализируются понятия «дискурс», «спортивный дискурс», «дискурс спортивных СМИ». Основное внимание уделяется спортивной аналитической статье и её характеристикам. Спортивная аналитическая статья является частью дискурса СМИ и рассматривается как публицистический текст, описывающий какое-либо спортивное событие в хронологической последовательности, характеризующий его с разных сторон, содержащий авторский анализ спортивных явлений, элементы спортивного комментария и спортивного репортажа, а также оценку спорта как социально значимого события.

Ключевые слова: дискурс, спортивный дискурс, дискурс спортивных СМИ, спортивная аналитическая статья.

REBRUSHKINA D. A.
TEXT OF THE SPORTS ANALYTICAL ARTICLE IN SPORTS MEDIA
DISCOURSE

Abstract. The article studies discourse, the sports discourse, and the sports media discourse. The main focus of the paper is on the sports analytical article and its distinguishing features. The sports analytical article is understood as a part of the sports media discourse and defined as a journalistic text giving a detailed and chronological description of a sports event and containing the elements of sports commentary and sports reportage as well as the speaker's analyses of sports phenomena and his assessment of sport as a socially important phenomenon.

Keywords: discourse, sports discourse, sports media discourse, sports analytical article.

Спорт – многогранный и сложный феномен. В нашем сознании он ассоциируется с различными сферами существования современного общества: политикой, культурой, профессиональной деятельностью, национальной спецификой, здоровьем, эстетикой, рекламой и др. Именно поэтому спорт является объектом внимания различных областей знания, в том числе и лингвистики. Настоящая статья посвящена рассмотрению текста спортивной аналитической статьи в качестве объекта лингвистического исследования.

Спортивная аналитическая статья – один из жанров дискурса спортивных СМИ. Остановимся более подробно на понятиях «дискурс», «спортивный дискурс», «дискурс спортивных СМИ», «спортивная аналитическая статья».

Дискурс как сложное явление междисциплинарного характера активно изучается в течение последних десятилетий. Как любой многоаспектный феномен, дискурс рассматривается с различных точек зрения. Этим объясняется большое количество дефиниций дискурса.

Н. Д. Арутюнова характеризует дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [1]. В. И. Карасик называет дискурсом «текст, погруженный в ситуацию общения» [4]. Е. Ф. Киров считает дискурсом совокупность письменных и устных текстов на том или ином языке в рамках той или иной культуры за всю историю их существования [5]. Т. А. Ван Дейк дает определения дискурсу в широком и узком смыслах. Так, дискурс в широком смысле есть «коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте». Под дискурсом в узком смысле Ван Дейк понимает завершенный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами [2]. А. Б. Зильберт и Б. А. Зильберт придерживаются широкого определения дискурса, понимая его как «всё, что говорится и пишется» [3]. Ю. С. Степанов характеризует дискурс как комплексную единицу, языковую единицу высшего уровня, обладающую структурной и функциональной спецификой. [8].

Ключевыми для настоящей работы являются определения, предлагаемые Н. Д. Арутюновой и В. И. Карасиком. Мы понимаем дискурс как «речь, погруженную в жизнь», как текст, существующий в ситуации общения в единстве с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и психологическими факторами.

А. Б. Зильберт и Б. А. Зильберт подчеркивают, что в изучении дискурса важную роль играют типы языковых личностей, действующие в рамках определенных обстоятельств и условий общения. Так, исходя из критерия характеристики участников общения, ученые выделили 4 типа дискурсов: разговорный, художественный, ситуативно-ролевой, институциональный [3]. Говоря об институциональном дискурсе, существующем в контексте социальных институтов, А. Б. Зильберт и Б. А. Зильберт отмечают, что сфера спорта мало исследована с точки зрения дискурсивной социолингвистики [3].

Ученые-лингвисты, фокусируя свое внимание на спортивном дискурсе, дают этому понятию разные определения. Разнообразие определений спортивного дискурса, как и множество дефиниций дискурса вообще, может быть объяснено многоаспектностью

понятия спортивного дискурса – различные исследователи анализируют разнообразные стороны этого сложного явления.

О. А. Панкратова, изучая дискурс как лингвосомиотическую систему, утверждает, что спортивный дискурс есть речь субъектов спорта [7]. Описывая систему концептов, лежащих в основе механизма спортивного дискурсообразования, главными концептами спортивного дискурса она называет протоконцепты «игра», «состязание», «здоровье», «сила», «ловкость», «смелость», «красота», «слава», «победа» и др. [7].

С. А. Кудрин, подробно рассматривая основные метафоры спортивного дискурса и их текстообразующую роль, определяет спортивный дискурс как совокупность коммуникативных практик, характеризующих спорт как социокультурный феномен, обусловленных рядом экстралингвистических факторов и сложившихся в процессе становления института спорта» [6]. Анализируя базовые метафоры спортивного дискурса, в качестве текстообразующих автор выделяет следующие: «команда – это механизм», «игра – это путь», «игра – это строительство», «команда – это социум», «команда – это организм» и др. [6].

У С. В. Шарафутдиновой, детально исследующей различные способы формирования оценки спорта как социально значимого явления, находим, что спортивный дискурс – это «тематическая разновидность дискурса СМИ» [10]. С. В. Шарафутдинова выделяет в дискурсе спортивных СМИ политический, культурологический, морально-этический, эстетический и биологический стереотипы, являющиеся социально-оценочными и призванными сформировать положительную оценку спорта как социального феномена [10]. Политический социально-оценочный стереотип соотносит реалии спорта с политическими реалиями, формируя в сознании массового адресата стереотипное представление о том, что спорт является столь же важным социальным феноменом, как и политика. Функциональное назначение культурологического социально-оценочного стереотипа заключается в позиционировании спорта как показателя сплоченности нации, проявления патриотизма. В рамках культурологического стереотипа рассматривается оппозиция «свой - чужие». Морально-этический социально-оценочный стереотип служит для формирования положительного образа спортсмена или команды на базе морально-этических ценностей, таких как «дружба, трудолюбие, талант». Биологический стереотип подразумевает отношение к спорту как к жизненно важному явлению. Эстетический социально-оценочный стереотип в спортивном дискурсе СМИ создает образ спорта как красивого зрелища. С. В. Шарафутдинова в своем исследовании приходит к выводу, что репрезентация социально-оценочных стереотипов в спортивном дискурсе СМИ осуществляется, как правило, при помощи имплицитных, т.е. скрытых средств речевого

воздействия, а наиболее распространенным средством репрезентации стереотипов является метафора [10].

Важно отметить, что многие исследователи разделяют понятия «спортивный дискурс» и «дискурс спортивных СМИ»: О. А. Панкратова и С. А. Кудрин понимают медийные тексты и дискурс спортивных СМИ как часть спортивного дискурса [6;7]. В то же время в ряде исследований обозначенные понятия используются в качестве синонимов. Приравнивая понятие спортивного дискурса к понятию дискурса спортивных СМИ, А. Б. Зильберт и Б. А. Зильберт объясняют тенденцию к сращиванию спортивного дискурса с дискурсом масс-медиа тем, что спортивная коммуникация в настоящее время осуществляется главным образом при помощи СМИ [3].

С нашей точки зрения, между понятиями «спортивный дискурс» и «дискурс спортивных СМИ» есть существенная разница. Для современной лингвистики соотношение спортивного дискурса и дискурса спортивных СМИ является вопросом, не имеющим однозначного ответа. Мы считаем, что дискурс спортивных СМИ – часть спортивного дискурса. Так, непосредственное общение футбольных болельщиков в ситуации футбольного матча можно отнести к спортивному дискурсу, но нельзя – к дискурсу спортивных СМИ. В подтверждение обозначенной позиции сошлемся на исследование О. А. Панкратовой, которая выделяет три группы языковых личностей, организующих спортивный дискурс и по-разному вербализующих свои коммуникативные намерения: 1) спортсмены, тренеры, судьи, администраторы; 2) болельщики и зрители; 3) спортивные комментаторы и спортивные журналисты [7]. Выделение данных языковых личностей в рамках спортивного дискурса важно для понимания соотношения спортивного дискурса и дискурса спортивных СМИ. Считаем целесообразным подчеркнуть, что только представители последней группы создают дискурс спортивных СМИ, в то время как в создании спортивного дискурса участвуют все три перечисленные группы. Речь и общение спортсменов, тренеров, судей, администраторов, а также болельщиков и зрителей могут быть включены в медийный текст, который создают комментаторы и журналисты, но могут и остаться за его пределами.

Итак, в данной работе спортивный дискурс понимается как речевая деятельность в рамках института спорта, включающая в себя общение различных субъектов спорта, которое разворачивается главным образом в условиях спортивных событий. Дискурс спортивных СМИ выступает в качестве составляющей спортивного дискурса и представляет собой речевую деятельность спортивных комментаторов и журналистов, а также включает в себя медийные тексты, создаваемые ими.

Ученые, анализирующие спортивный дискурс, отмечают, что «дискурс СМИ может быть представлен в письменной (печатные СМИ) и устной (телевидение, радио) формах, при этом письменный дискурс СМИ, благодаря своим структурно-содержательным и стилистическим характеристикам (использование разнообразных изобразительно-выразительных средств, предварительная рефлексия события автором, выдержанная логика текста и т.д.), обладает более высоким оценочным потенциалом» [10].

В качестве основных жанров дискурса спортивных СМИ выделяют спортивный комментарий и спортивный репортаж. Последний является образцом и классикой жанра устного репортажа, а спортивный комментарий представляет собой аналитический компонент репортажа [9]. Другой жанр письменного дискурса спортивных СМИ – спортивная аналитическая статья. С. В. Шарафутдинова, подробно изучая спортивную статью, отмечает, что это самостоятельный и практически неисследованный с точки зрения лингвистики жанр дискурса СМИ, наиболее полно обеспечивающий читателя информацией и авторской оценкой спортивного события, оказывающий сильное эмоциональное воздействие на аудиторию, обладающий широкими возможностями для реализации оценочности и представляющий собой оптимальный материал для исследования социальной оценки [9;10]. К характерным чертам спортивной аналитической статьи, отличающим ее от спортивного комментария и спортивного репортажа, относятся следующие:

- 1) композиция текста статьи определяется анализом ключевых моментов события в их хронологической последовательности;
- 2) в статье ярко проявляется авторское «Я», реализуется авторская оценка;
- 3) для спортивной аналитической статьи характерна тенденция к смешению жанров: в текстах спортивных статей находят свое проявление жанры спортивного репортажа (через описания отдельных моментов какого-либо спортивного события) и спортивного комментария (через цитирование высказываний тренеров, судей, менеджеров и др.);
- 4) цель спортивной аналитической статьи – характеристика события, анализ конкретных действий и возможных последствий;
- 5) автор спортивной статьи рассчитывает, с одной стороны, на обывателя, непрофессионала в сфере спорта, а с другой стороны, имеет представление о своих постоянных читателях, обладающих достаточными знаниями в данной области [9].

В нашем понимании спортивная аналитическая статья – это публицистический текст, описывающий какое-либо спортивное событие в хронологической последовательности, характеризующий его с разных сторон, содержащий авторский

анализ спортивных явлений, элементы спортивного комментария и спортивного репортажа, а также оценку спорта как социально значимого события.

Обобщая изложенное, важно подчеркнуть, что изучение спортивного дискурса и дискурса спортивных СМИ в лингвистике занимает значительное место и является актуальным. Нам представляется перспективным междисциплинарное исследование текста спортивной аналитической статьи как источника информации о событиях и явлениях современного спортивного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Дейк ван Т. А. К определению дискурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
3. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи [Электронный ресурс] / А. Б. Зильберт, Б. А. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – 2011. – Вып. 17. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_17.pdf
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000 (а). – С. 5–20.
5. Киров Е. Ф. Цепь событий – дискурс/текст – концепт // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: материалы науч. сессии фак-та ЛиМК ВолГУ. – Волгоград, апрель 2003: сб. науч. ст. – Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2004. – Вып. 2.– С. 29–41.
6. Кудрин С. А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели. Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2011. – 20 с.
7. Панкратова О. А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 22 с.
8. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. – М. : РАН, 1996. – С. 35–73.
9. Шарафутдинова С. В. Спортивная аналитическая статья как жанр дискурса СМИ [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 34 (172). – Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/172/026.pdf>
10. Шарафутдинова С. В. Формирование социальной оценки в дискурсе СМИ. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 19 с.

АНТИПОВА Н. С.

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛИЗМА И ВЫМЫСЛА В ПОВЕСТИ

А. СОБОЛЕВСКОГО «КОМАНДИР ПОДЗЕМНОГО ГАРНИЗОНА»

Аннотация. В статье исследуется творчество А. Соболевского на примере повести «Командир подземного гарнизона», где основной темой является Великая Отечественная война. Повергаются анализу документальный материал, художественные приемы, изобразительно-выразительные средства, при помощи которых автор создает многоплановую картину исторических событий войны. Сделан вывод об органичном синтезе документа и вымысла в сюжетно-композиционной и образной структуре произведения.

Ключевые слова: повесть, творчество, документальный материал, вымысел, образная структура, художественный прием, изобразительно-выразительные средства.

ANTIPOVA N. S.

SYNTHESIS OF DOCUMENTARY AND FICTION ELEMENTS IN THE STORY

«COMMANDER OF THE UNDERGROUND GARRISON» BY A. SOBOLEVSKY

Abstract. The article considers the literary works of A. Sobolevsky. Particularly, the author studies one of his novels, «Commander of The Underground Garrison» that focuses on the Great Patriotic War. In this connection, the author analyzes the documentary material, artistic techniques, figurative and expressive means used in the story in order to create a multidimensional picture of the historical events of the wartime. A conclusion is made on the organic synthesis of documentary and fiction in the plot, structure and characters of the literary work regarded.

Keywords: story, literary creative work, documentary, fiction, character structure, artistic techniques, figurative and expressive means.

Военные годы – это сгусток драматических коллизий и трагических судеб, время предельного обнажения нравственно-этической сущности человека. К теме Великой Отечественной войны обращаются многие мордовские писатели и поэты, стремящиеся сохранить память о ней, – И. Антонов, И. Пиняев, К. Абрамов, М. Сайгин, И. Девин, А. Щеглов, А. Малькин, П. Прохоров, П. Любаев, С. Фетисов, В. Смирнов, Г. Пинясов и другие.

Достаточно глубокую художественную разработку данная тема находит и в творчестве русскоязычного прозаика А. Соболевского, в частности в повести «Командир подземного гарнизона». Неожиданно для критики и читателей в 1975 году писатель, за

которым закрепилось амплуа лирика в прозе, исследователя тончайших переливов человеческой души (в книгах «Свидание с жизнью», «Любовь великая», «Открытый свет», «Прощание навсегда»), переходит на противоположную основу – документалистику. «Припавший к документу писатель, – отмечает П. Н. Киричек, – внезапно открылся читателю совершенно новой гранью. Поэт в прозе, «пробивавшийся» на изящно размытых ассоциациях, вдруг проявил недюжинную способность завязать тугой сюжетный узел, фабульной интригой возмутить равнинное течение повествования и резко-крупными мазками вылепить образы сильных, волевых людей, которые решительно бьются за правду и справедливость» [3, с. 19].

Е. А. Кулебякина, характеризуя творчество А. Соболевского в контексте прозы Мордовии 1960–1990-х годов, определяет повесть «Командир подземного гарнизона» как документальную, так как в ней, по утверждению исследователя, «воссоздаются по документам конкретные события, подлинные герои, исторические судьбы» [4, с. 150], однако вместе с тем отмечает авторскую концепцию в реализации замысла, художественное обобщение и типизацию, что позволяет говорить об органичном синтезе документа и вымысла в сюжетно-композиционной и образной структуре произведения.

Документ в повести «Командир подземного гарнизона» выступает основой, своеобразным плацдармом для оформления художественной мысли, состоит из двух взаимосвязанных центров: конкретного факта – одного из самых трагических событий Великой Отечественной войны – героической обороны малочисленными советскими войсками каменоломен под Керчью и образа реального человека – полковника Павла Максимовича Ягунова, уроженца села Чеберчино Дубенского района Мордовии.

А. Соболевский стремился ощутить атмосферу военного времени, прочувствовать «дух» минувших событий, поэтому ездил на места боевых действий, встречался с очевидцами, исследовал архивный материал. Художественно-документальный жанр синтетичен по своей природе: с одной стороны, имеется фактологическая база, с другой – арсенал художественных приемов и изобразительно-выразительных средств, в которые необходимо облачить фактический материал, чтобы придать изображаемому эмоциональность, образность, типичность, воспитательную направленность. Данный жанр сложен, требует от писателя мастерства, опыта в умении сочетать в нарративе произведения реальные события и собственную художественную концепцию. Автору необходимо тщательно отбирать эпизоды,двигающие сюжетную линию, органично вживлять вымысел в факты и в изображение реальных лиц с тем, чтобы не исказить правду жизни, и вместе с тем не сделать образы схемой, а придать им жизнь литературных героев. Прекрасно понимая свою задачу, А. Соболевский несколько раз дорабатывал

произведение, сузив рамки повествования, отбросив лишний материал, который явно заграждал образ главного героя.

Документальный материал четко прослеживается в воссоздании пространственно-временного континуума произведения. Временной хронотоп повести реален (май – октябрь 1942 года), автор представляет «хронологический срез трагических событий обороны Аджимушкайских каменоломен – от начала обороны до гибели «подземного гарнизона» [1, с. 210]. Документален сам образ каменоломен: реально описание ходов в каменоломнях, многочисленных пещер, наружного колодца, подземного, выдолбленного солдатами через двадцать пять метров твердого камня, мученической смерти людей от жажды и газовых атак. Автор приводит документальные описания боевых действий и стратегий, подчеркивающие фактическую основу произведения, являющиеся своеобразной экспозицией к дальнейшему повествованию. «Третий день шли ожесточенные бои за город. Врагу удалось ворваться в Керчь. Под натиском фашистов воинские подразделения Крымского фронта отходили к переправе через пролив. По дорогам к переправе у крепости Еникале день и ночь в спешке двигались войска... По обочинам дорог, поднимая пыль, двигались танки. Части Красной Армии эвакуировались на Тамань... Бои у переправы решали судьбу трех армий Крымфронта» [5, с. 6].

Достаточно подробно и реалистично А. Соболевский описывает условия жизни обитателей катакомб, для этого он использует форму дневника. Вот строчки из дневника политрука Трофименко: «...Я не в силах описать картину людских мучений... Газ заполнил подземные коридоры, просачивается всюду смертельными волнами. У выходов фашисты бросают дымовые шашки, рвут гранаты. Всюду смерть... Больше восьми часов продолжается газовая атака. Проход заполнен погибшими. Их много, сотни, они повсюду. Женщины, дети, бойцы подземной обороны <...> Вода... Это сейчас самый серьезный вопрос, который стоит перед каждым бойцом и командиром, оставшимся в живых. Борьба за воду уносит все больше жизней бойцов подземного гарнизона. Теперь уже доступа к колодцу нет...» [5, с. 184]. Эти строки вызывают глубокое сострадание к защитникам каменоломен и истинное негодование, и презрение к врагу, потерявшему человеческий облик, превратившемуся в хищника.

Особо психологичны и эмоционально напряжены эпизоды гибели героев. Функции таких сцен – раскрытие антигуманистической идеологии фашизма, напоминание человечеству о страшном зле войны, которая не щадит ни взрослых, ни детей. Адская машина войны оборвала жизнь Шуренка, которая была совсем ребенком: «За кустом в неглубокой воронке, вокруг которой чернела выброшенная на траву земля, вверх лицом

лежала Шуренок, неестественно раскинув руки. Ветер трепал ее золотые волосы. Луний подбежал к Шуренку и тяжело опустился рядом. Слезы потекли из его глаз.

– Зачем, зачем?... – повторял он сквозь слезы, держа в руках ее теплые руки. Шуренок молчала, глядя неподвижными открытыми глазами в закатное багровое небо, и выражение удивления и боли застыло на ее белом, как снег, лице» [5, с. 48]. Возможно, некоторые детали описаны в повести натуралистично, жестко, но память о войне не должна быть ничем смягчена, приукрашена.

Посредством художественного слова А. Соболевский реставрирует образ реального человека – полковника Павла Ягунова, возглавившего оборону керченских каменоломен, обобщающего типические черты офицеров и солдат Красной Армии: истинный патриотизм, осознание воинского долга, гуманизм. Автор не отказывается от биографических фактов героя, указывая, что во время Гражданской войны курсант Ташкентского пехотного училища Ягунов добровольцем вступил в Красную Армию, воевал в Туркестане, «не раз смотрел смерти в лицо» [5, с. 97]. Документализм делает персонаж более открытым, доступным для восприятия и анализа.

Образ главного героя облачается писателем в художественно-эстетическую форму, благодаря чему получает многогранность, целостность, воспринимается не только как солдат, но и человек с индивидуальным духовным миром, психологическими нюансами. А. Соболевский использует для этого ряд композиционных приемов: ретроспекцию, письмо, сон.

Воспоминаниями Ягунова о близких людях, семье, детстве, родных местах наполнено все повествование. Они раскрывают, с одной стороны, трагизм войны, сломавшей людские судьбы, с другой – душевную щедрость героя, хранящего в сердце раскинувшееся в долине родное село, красоту и величие крестьянского труда, «луговые просторы под проливным дождем, под жарким летним солнцем», «сенокос, жаркие июльские дни, звон сверкающих серебром острых кос, теплые вечера у костра, скрип коростеля», «бессвязный лепет листьев осин...». Воспоминания, облаченные в лирическую форму, вызывают к жизни оригинальные картины природы, детали, заметные лишь поэтическому взору, раскрывают разнообразные интенции героя.

Лиризм придают повествованию рассуждения Ягунова о жизни, любви, скоротечности и неповторимости человеческой жизни. Они представлены в сознании человека физически и психологически истощенного, поэтому обрывочны, порой непоследовательны, но эмоционально действенны. «У смерти холодные ладони. Объятия жизни горячи. У любви тоже горячие объятия. <...> Моя любовь, моя жизнь! И солнце, и ветер, и снег, и улыбка, и глоток чистой воды, и ломоть мягкого хлеба – все это благо.

Земное благо. Самое обычное. И такое необходимое. ...Расцвела в лесу дикая яблоня. Лопнули почки на тополях. Свет загорелся в окне. Замечай все это. Потому что жизнь неповторима» [5, с. 97]. Подобные отступления следует оценивать как внесюжетные элементы, которые не продвигают действие вперед, но значительно обогащают повествовательную канву психологизмом, философичностью.

Лирическое решение получает в повести эпическая идея нерасторжимости малой и большой Родины. В размышлениях Ягунова даются «критерии» определения этих понятий: «Для каждого из нас родина не просто географическое понятие... Прежде всего – это твоё село, твой город, школа, где ты учился, речка, куда ходил купаться, ловить пескарей, луга, по которым бегал и где отзвенело босоное детство. Может, и нет никаких особенных красот в родных местах для постороннего глаза. А для того, кто вырос там, они наполнены неповторимым очарованием детства, первых незабываемых впечатлений, радостных событий. Какой притягательной силой влекут родные поля. Овраги, перелески, исхоженные тобой вдоль и поперек с друзьями-сверстниками. На войне чувствуешь все это с особой остротой. И когда идешь в бой, эта нерасторжимость с родными местами, кровная связь с ними придает силы» [5, с. 52]. Данные строки, на наш взгляд, не только выполняют эстетическую функцию, но и несут огромный воспитательный потенциал, что обуславливает актуальность повести «Командир подземного гарнизона» и в настоящее время, спустя десятилетия после Великой Отечественной. По этому поводу справедливо замечание Т. Кириченко: «Описанные в повести события – теперь история. Знать эту историю необходимо. А эта книга о силе духа, беззаветном героизме наших бойцов и командиров, в тяжелейших условиях вражеского нашествия не сложивших своего оружия и до последней капли крови продолжавших отстаивать родную землю» [2].

В повести А. Соболевского «Командир подземного гарнизона» документальный материал органично синтезирует с авторской концептуальностью, что позволило писателю создать многоплановую картину исторических событий войны, посредством художественного слова наделенную эмоциональностью, реставрировать человеческие судьбы – убедительно, взволнованно, психологично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Р. П. Русская литература Мордовии. Основные тенденции развития // Современная мордовская литература. 60–80-е годы: в 2 ч. Ч. 2. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – С. 203–226.

2. Кириченко Т. Открытый свет // Изв. Мордовии. – 2003. – 13 марта.
3. Киричек П. Н. Неоткрытые острова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993.
4. Кулебякина Е. А. Творчество А. Соболевского в контексте развития русскоязычной прозы Мордовии 1960 – 90-х годов : дис. ... канд. филол. наук. – Саранск Морд. гос. пед. ин-т., 2001. – 177 с.
5. Соболевский А. Командир подземного гарнизона: повесть. – 3-е изд., доп. и перераб. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – 279 с.

КОННОВА К. В., ЕРШОВА Н. И.

**СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ ДИАЛЕКТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ЖЕНСКОГО
ПОЛА, ОТРАЖАЮЩИХ ОТДЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА**

Аннотация. В статье охарактеризованы названия лиц женского пола, отражающие черты характера человека, в русских говорах Мордовии; описаны синонимические отношения между ними.

Ключевые слова: существительное, диалектизм, синоним, синонимический ряд, говоры.

KONNOVA K. V., ERSHOVA N. I.

**SYNONYMIC SERIES OF FEMALE DIALECT NAMES REFERRING
TO PARTICULAR CHARACTER TRAITS**

Abstract. The article deals with the female names used to refer to particular character traits in the Russian dialects of Mordovia. Particularly, the authors analyze the synonymic relations between the dialect names in question.

Keywords: noun, dialecticism, synonym, synonymic series, dialects.

Богатство языка – это в первую очередь богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами. Диалекты представляют такую возможность в силу богатства их словарного состава.

Проблема синонимии в говорах является одной из мало разработанных и дискуссионных, поэтому единого определения диалектного синонима пока не существует. Это объясняется рядом причин: многие говоры недостаточно изучены, отсутствуют полные словари всех русских говоров и т.д. Л. И. Баранникова называет диалектными синонимами «слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах» [1, с. 102].

При установлении типологии семантических отношений между компонентами синонимических рядов в специальной литературе прочно укрепились традиции выделять несколько разновидностей синонимов: 1) синонимы абсолютные, или дублеты, – с тождественным значением; 2) синонимы относительные, или семантические, – с близким значением; 3) синонимы стилистические (эмоционально-экспрессивные, экспрессивные), различающиеся экспрессивно-стилистической окраской; 4) синонимы семантико-стилистические, различающиеся оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской [2, с. 231].

Названия лиц женского пола, функционирующие в русских говорах Мордовии, характеризуются исключительным богатством и разнообразием. Их можно разделить на отдельные семантические группы, в рамках которых выделяются как небольшие и простые двучленные объединения синонимов, так и многочисленные синонимические ряды. Принцип построения синонимического ряда в говорах основывается на различиях в семантике и эмоционально-экспрессивной окраске синонимов.

Наименования лиц женского пола по отдельным чертам характера составляют многочисленные диалектные эмотивы, представляющие разноаспектную характеристику человека. Они реализуются в следующих инвариантных значениях синонимов:

1) «смелая, отчаянная женщина»:

Бесшаульница: Там така тимишь была, а ей ниче, така бишаульницъ (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район).

Спрыг-трава: Эй ты, спрык-трава, пади уи фсю картофку вырыль? (Говорово, Старошайговский район).

Указанные эмотивы составляют в русских говорах Мордовии ряд абсолютных синонимов.

2) «скандальная, крикливая женщина»:

Жерлабка: Пастой, жарлапкъ, ни ари (Внуково, Кочкуровский район).

Крикуха: Сасеткъ у миня крикухъ была, но биззлбнъ (Кулишейка, Рузаевский район).

Мельчиха: Аннушкъ уи больнъ мильчихъ, с ней ни связывайси (Шаверки, Краснослободский район).

Рыжонка (перен., экспр.): Етъ рыжонкъ токъ и арет на фсех (Лаврентьево, Темниковский район).

Сбрѣха (неодобр.): Этъ збрехъ фсех пирикричит (Атемар, Лямбирский район).

Шмаганка: Шмаганкъ ана, лучи с ней ни связывацъ (Новая Александровка, Старошайговский район).

Данные диалектизмы, кроме слов *рыжонка* и *сбрѣха*, являются синонимами-дублетами. Наименования *рыжонка* и *сбрѣха* выступают по отношению к ним в качестве экспрессивно-стилистических синонимов.

3) «медлительная, вялая женщина»:

Валтузя: Взял ты таку валтузю, каких свет ни видал (Кулишейка, Рузаевский район).

Ватола (неодобр., во 2 значении): Ни даждейси, када развирнецъ этъ ватолъ (Ефаево, Краснослободский район).

Вяльша: Алень фсю жизнь вяльшгъй была: што ни вазьмет, фсе из рук валицъ (Лаврентьево, Темниковский район).

Кутафья: Ох и кутафья ты, Нинь! (Горайновка, Кочкуровский район).

Матёна: Эдьку матену ни больнь быстрь раишывелиш (Лемдяйский Майдан, Старошайговский район).

Разлемзя (неодобр.): *Ты сама разлимзя* (Кулишейка, Рузаевский район).

Рахля (неодобр.): *Фся симья у них рахля на рахли* (Кулишейка, Рузаевский район).

В рассмотренной группе также можно выделить два ряда дублетов: 1) *ватола* (2), *разлемзя*, *рахля*, имеющие повышенную степень оценочности значений; 2) *валтузя*, *вяльша*, *кутафья*, *матёна*. Единицы разных рядов выступают друг по отношению к другу в качестве экспрессивно-стилистических синонимов.

4) «излишне подвижная, а также ловкая, проворная женщина»:

Лысманка: Нашый лысманки сроду домъ нет (Суподеевка, Ардатовский район).

Мотовка (в 1 значении): *Апять вашъ матофкъ здесь?* (Шалы, Атюрьевский район).

Промызгла: Ну у Ваньки бабъ и прамызгль (Паньжа, Ковылкинский район).

Премыра: Дефкъ этъ – така прамырь! (Тарханы, Ичалковский район).

Растелена (неодобр.): *Эх ты и растилень! Хлеп-тъ у тибя згарел!* (Рожновка, Ичалковский район).

Тяберьга: Кака лофкъ, как тиберьгъ (Лаврентьево, Темниковский район).

Халабурка: Вот вить кака хълабуркъ: ни стыда, ни совисти (Казенный Майдан, Ковылкинский район).

Данные диалектизмы, за исключением эмотива *растелена*, составляют в русских говорах Мордовии многочисленный ряд дублетов. Слово *растелена* является экспрессивно-стилистическим синонимом членов указанного ряда.

5) «жадная женщина»:

Жада (неодобр.): *Эх и жада, зимой снегу ни выпрасиш!* (Атемар, Лямбирский район).

Жадоба (неодобр.): *У миня свякрофкъ жадобъ* (Кулишейка, Рузаевский район).

Жадуга (неодобр.): *Баба иво жадугъ, денник ни дает* (Кулишейка, Рузаевский район).

Скариотка (неодобр.): *Уш така ана скариоткъ: чашки мълака ни даст* (Суподеевка, Ардатовский район).

Данные слова составляют синонимический ряд дублетов.

6) «рассеянная, забывчивая женщина»:

Забыдуха (экспр.): *Ой, кака я зъбыдухъ* (Саловка, Лямбирский район).

Растопша: У этъй растопшы ис-пъд носа фсе унисут (Мельцаны, Старошайговский район).

Шераборка: Така шыраборкъ, фсе забывают! (Суподеевка, Ардатовский район).

Диалектные наименования *растопша* и *шераборка* являются дублетами; *забыдуха* выступает по отношению к ним в качестве экспрессивно-стилистического синонима.

7) «бесхарактерная, слабовольная женщина; тихоня»:

Мандриха: *У нас никали не былъ мандрих* (Сиалеевская Пятина, Инсарский район).

Титина: *Ни гледи, итъ ана титинъ, знаи, кака злая* (Марьевка, Торбеевский район).

Данные эмотивы составляют синонимическую пару дублетов, не отличающихся ни оттенками значений, ни экспрессивно-стилистической окраской.

8) «хвастливая женщина»:

Марала (экспр.): *Маралы – хвальбивыи люди* (Малый Азясь, Ковылкинский район).

Полыгалка: *Этъй пълыгалки ни веръ, хвалищъ фсе* (Новоямская Слобода, Ельниковский район).

Указанные диалектизмы являются экспрессивно-стилистическими синонимами.

9) «злая женщина»:

Мерлушка: *У нас снаха така мирлушкъ, ръзарвет* (Русские Найманы, Большеберезниковский район).

Щётка (неодобр.): *Ну уи и сама ана щеткъ была, как змия* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район).

Яганка (неодобр.): *Што варчиш, яганкъ, злисси* (Шигаево, Старошайговский район).

Диалектный эмотив *мерлушка* выступает в качестве экспрессивно-стилистического синонима по отношению к дублетам *щетка* и *яганка*.

10) «хитрая женщина»:

Мудрушка: *Он у нас мудрушкъ, фсе хитрит* (Пятина, Ромодановский район).

Шныра (неодобр.): *Ну ана и шныръ, хитрит и хитрит* (Саловка, Лямбирский район).

Данные наименования составляют в русских говорах Мордовии двучленное объединение экспрессивно-стилистических синонимов.

11) «назойливая, надоедливая женщина»:

Мула: *Ох и мулъ у них дефкъ, хоть што выпрасит* (Кочуново, Ромодановский район).

Надоедница: *Внучкъ надаедницъ, чяво захочит, хитростью вазьмет* (Атемар, Лямбирский район).

Подлыгала: *Ну ана и пълдыгалъ, ни люблю таких* (Суподеевка, Ардатовский район).

Скинда: *Да што ты надаель мне, скинда* (Русские Найманы, Большеберезниковский район).

Диалектные эмотивы *мула*, *надоедница*, *скинда* являются дублетами; слово *подлыгала* выступает по отношению к ним в качестве семантического синонима, поскольку имеет в своем значении дифференциальную сему «подлиза».

12) «женщина, любящая много и часто есть; обжора»:

Мялица (перен. экспр.): *Ешь скарей, а то придет этъ мялицъ и съест фсе* (Обуховка, Чамзинский район).

Мялка (перен. экспр.): *Цэльный день этъ мялкъ ест и ест* (Еремеево, Лямбирский район).

Мяльница (перен. экспр.): *Ну и мяльницъ жына, фсе ест и ест* (Суподеевка, Ардатовский район).

Омжа: *Токъ абедъли, а амжа нашъ апять ест* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район).

Наименование *омжа* является экспрессивно-стилистическим синонимом по отношению к данным дублетам.

Как видим, некоторые наименования лиц женского пола по чертам характера представляют собой однокорневые разноаффиксные синонимы, различающиеся суффиксами (*мял-иц-а* – *мял-ка* – *мяль-ниц-а*; *жад-а* – *жад-об-а* – *жад-ух-а*). Данный факт подчеркивает, что в русских говорах Мордовии, в отличие от литературного языка, хорошо развита словообразовательная синонимия.

13) «женщина, жалующаяся на свою судьбу»:

Нужда (экспр.): *Атколь он таку нужду сибе нашол, а то у нас девък хороших малъ* (Шалы, Атюрьевский район).

Обмируша: *У нас Юлькъ и абмирушь!* (Муравлянка, Ельниковский район).

Плукида: *Сястра така плукидъ, воит и воит* (Лада, Ичалковский район).

Диалектизмы *обмируша* и *плукида* являются дублетами; эмотив *нужда* выступает по отношению к ним в качестве экспрессивно-стилистического синонима.

14) «легкомысленная женщина»:

Мотушка: *Вот матушкъ-тъ: сначала так скажыт, а потом так* (Редкодубье, Ардатовский район).

Пустальга: *Вот пустальга! Никаких забот нет!* (Селищи, Краснослободский район).

Свистушка (неодобр.): *Зазнайкъ ана, виртушкъ, вот мы и называем ие свистушкый* (Солдатское, Ардатовский район).

Стрелка (перен.): *Фчарась фсе три стрелки приехъли, биззаботны* (Киржеманы, Большеигнатовский район).

Шаляха (неодобр.): *Я ни как тваи дочири-шаляхи, я фсигда сурьезнь была* (Суподеевка, Ардатовский район).

В рамках рассмотренной группы можно выделить два ряда абсолютных синонимов: 1) *мотушка*, *пустальга*, *стрелка*; 2) *свистушка*, *шаляха*. Как видим, единицы второго ряда

имеют дополнительную оценочность в значении, поэтому члены разных синонимических рядов являются экспрессивно-стилистическими синонимами.

15) «привередливая женщина»:

Трилюдница: У миня Люськъ трилюдницъ, козьи м'ялако ни пьет (Пятина, Ромодановский район).

Чемезинница (неодобр.): *Така чимизинницъ: таво ни хочит, друговъ ни хочит* (Суподеевка, Ардатовский район).

Чибрик (перен. экспр.): *Таковъ чыбрикъ ишишо паискать* (Кочуново, Ромодановский район).

Чихварка: Уш больнь жана-тъ у ниво чихваркъ (Вечерлей, Атяшевский район).

Данные диалектизмы составляют два синонимических ряда дублетов: 1) *трилюдница, чихварка*; 2) *чемезинница, чибрик* (с повышенной оценочностью в значении). Единицы разных рядов выступают по отношению друг к другу в качестве экспрессивно-стилистических синонимов.

Как видим, эмоционально окрашенные наименования лиц женского пола образуют в лексико-семантическом плане четко определяющиеся синонимические ряды, члены которых тесно связаны между собой по значению. Особый интерес вызывает обилие в диалекте абсолютных синонимов, которые редки в литературном языке. Это явление связано с их длительным существованием в языке. Однако дублеты в говоре не свидетельствуют об избыточности диалектной лексической системы, а представляют собой естественное порождение живой речи и необходимы для ее стилистического разнообразия. Часто встречаются в рассматриваемых говорах экспрессивно-стилистические синонимы, отличающиеся друг от друга градиентом оценочности в структуре семемы. Яркой оценочностью обладают слова, представляющие собой лексику с переносным значением. Семантические синонимы практически не представлены. Подчеркнем, что в подавляющем большинстве проанализированные эмотивы выражают отрицательное отношение носителей говора к тем людям, черты характера которых имеют негативный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. – Саратов, 1962. – Вып. 1. – С. 101–121.
2. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык: учеб. пособие. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 446 с.